

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

АНАТОМИЯ СКАНДАЛА

САРА ВОЭН

Психологический триллер (АСТ)

Сара Воэн

Анатомия скандала

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Воэн С.

Анатомия скандала / С. Воэн — «АСТ»,
2018 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-982431-2

Джеймс – любящий муж и отец, успешный политический деятель. И вот его обвиняют в ужасном преступлении. Софи, его жена, уверена: Джеймс невиновен, и она сделает все, чтобы защитить свою семью. Ведь если она на протяжении долгих лет хранила секрет Джеймса, то сможет спасти их брак и теперь. Кейт – барристер, поддерживающий иск против Джеймса. Она убеждена: Джеймс виновен и должен за все заплатить. Кейт знает, каково это – быть жертвой, и она умеет задавать вопросы, ответы на которые не все хотят услышать... Так кто же на самом деле Джеймс – жертва обстоятельств или преступник? И кто прав в своих убеждениях – Софи или Кейт? Возможно, этот скандал изменит их жизни навсегда и заставит Софи пересмотреть свое отношение к браку, а Кейт – воскресить давно забытых демонов...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-982431-2

© Воэн С., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сара Воэн

Анатомия скандала

Sarah Vaughan
ANATOMY OF A SCANDAL

© Sarah Vaughan Ltd, 2018

© Перевод. О. А. Мышакова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моему отцу Крису с любовью

*Ему нужны виновные. И он находит тех, кто виновен. Пусть даже
не в том, в чем их обвиняют.*

Хилари Мантел. Внесите тела

Глава 1

Кейт

2 декабря 2016 года

Парик на письменном столе, куда я его швырнула, напоминает выброшенную на берег медузу. Вне зала суда я небрежно обращаюсь с этой важнейшей частью своего гардероба, выкаывая парик обратное тому, что ему полагается внушать, – уважение. Ручной работы, из конского волоса, стоит почти шестьсот фунтов. Мне хочется, чтобы он состарился и добрал солидности, которой мне не хватает. Чтобы пожелтел у кромки от многолетнего воздействия пота, а тугие кремовые букли обвисли бы или стали серыми от пыли. Через девятнадцать лет после того, как меня приняли в коллегия адвокатов, парик у меня по-прежнему как у старательного новичка, а не как у адвоката, унаследовавшего его от отца. А я мечтаю как раз о парике, потускневшем от почтенного возраста, статуса и преемственности.

Я сбросила туфли – черные лаковые лодочки с золотой косичкой спереди. Такие носили щеголи эпохи Регентства, герольдмейстеры палаты лордов – и адвокатессы, обожающие историю, формалистику и нелепость всего этого. Дорогая обувь очень важна. При разговоре с другими адвокатами или клиентами, с судебными приставами и полицейскими все мы время от времени опускаем взгляд, чтобы не показаться агрессивными. Так вот, любой, кто взглянет на мои туфли, увидит ту, кто разбирается в нюансах психологии и принимает себя всерьез. Они увидят женщину, одевающуюся так, будто она верит в свою победу.

Я, видите ли, люблю выглядеть соответственно положению. Люблю все делать правильно. Женщины-адвокаты могут носить воротничок – лоскут хлопка с кружевом, похожий на детский нагрудник и стоящий целых тридцать фунтов. Или могут одеваться, как я: белая туника под горло, а воротник крепится на кнопках спереди и сзади. Манжеты с запонками. Черный шерстяной жакет с юбкой или брюками и, смотря по профессиональным успехам и возрасту, черная мантия тонкой шерсти или шерсти с шелком.

Сейчас я не в мантии. Переодевание происходит в Олд-Бейли, в специальной комнате. Мантию долой. Отстегнуть воротник и манжеты. Недлинные светлые волосы, собранные в суде в конский хвост, распущены и немного взбиты.

Без мантии я женственнее. В парике и очках в тяжелой оправе я выгляжу асексуально – и, безусловно, непривлекательно, хотя у меня высокие скулы. Два острых выступа, обозначившиеся к двадцати пяти годам, стали резче и тверже, как и я с годами стала резче и тверже сама.

Без парика я больше похожу на себя. На себя настоящую, а не ту, которой я бываю в суде, или на мои ранние инкарнации. Это я, Кейт Вудкрофт, королевский адвокат, специализация – уголовное право, член Внутреннего темпла¹, эксперт по преступлениям на сексуальной почве. Сорок два года, разведенная, одинокая и бездетная. Я опустила голову на руки и длинно выдохнула, заставляя себя смириться. Нехорошо. Не могу расслабиться. У меня на запястье пятнышко экземы, и я втираю крем «Е 45», борясь с желанием расчесать его, ногтями содрать свою неудовлетворенность жизнью.

Вместо этого я поднимаю взгляд к высокому потолку моего кабинета. Настоящий оазис спокойствия в самом центре Лондона – восемнадцатый век, лепные украшения, золотые листья вокруг потолочной розетки, а сквозь высокие створчатые окна видны двор Внутреннего темпла и круглая церковь двенадцатого века.

Это мой мир – архаичный, анахроничный, привилегированный, эксклюзивный. Все, к чему я должна бы – и в нормальной ситуации стала бы – испытывать нескрываемую неприязнь.

¹ Старейшая и самая известная из четырех судебных гильдий Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*

И, однако, я люблю его. Люблю, потому что все это – россыпь зданий на границе Сити, возле Стрэнда, сбегающих к реке; помпезность и иерархия; статус, история и традиции – то, о чем существовании я раньше не подозревала и даже думать не могла, что буду здесь работать. Это показывает, насколько высоко я поднялась.

Вот почему, если я иду одна, а не с коллегами, и покупаю себе капучино, то горячий шоколад с лишним пакетиком сахара протягиваю девчонке, скорчившейся в спальном мешке на Стрэнде. Большинство людей не хотят ее замечать. Бездомные хорошо умеют становиться невидимыми – или мы хорошо умеем превращать их в невидимых, отводя взгляд от спальных мешков защитного цвета и от самих людей с серыми лицами и свалывшимися волосами, закутанных в слишком большие свитера, и от их тощих собак, когда спешим к манящему блеску Ковент-Гардена или к культурным сенсациям Саут-Бэнка.

Но походите вокруг любого здания суда, и вы увидите, как зыбко бывает благосостояние, как ваш мир может рухнуть в одну минуту, если вы замаетесь на что-то, что вам не по плечу, или хоть на одну злосчастную долю секунды преступите закон. Особенно если вы бедны. Ибо суды, как и больницы, магнитами притягивают тех, кому судьба всегда была мачехой, кто выбирал не тех мужчин или ложных друзей и так погряз в неудачах, что позабыл о моральных устоях. Богатым и здесь легче: вспомнить хоть уклонение от налогов, оно же мошенничество – так его можно трактовать для человека, у которого нет ловкого бухгалтера. Невезучесть – или отсутствие чутья – не преследует богатых так же неуклюже, как людей без средств.

Так, я в плохом настроении. Сразу можно определить, когда у меня плохое настроение: я начинаю думать, как неопытный политик. Как правило, я держу свои мысли в духе «Гардиан» при себе, чтобы не слишком выделяться среди более консервативных членов нашей палаты и не провоцировать ожесточенные дискуссии на официальных обедах, где подают еду, какая обычно бывает на свадьбах, – курицу или запеченного лосося, – и такое же неважное вино. Куда дипломатичнее ограничиться юридическими сплетнями: кто из адвокатов, устав от отсутствия заказов, подал заявку на место судьи в уголовном суде, кто скоро получит адвокатскую мантию, кто, не сдержавшись, нагрубил приставу в зале суда. На эти темы я могу болтать, одновременно обдумывая текущие дела по работе, сокрушаясь по поводу своей незадавшейся личной жизни и даже соображая, что купить на завтра на обед. Спустя девятнадцать лет я овладела искусством быть как все. Я в этом настоящий эксперт.

Но за неприступными стенами моего кабинета, куда могут попасть лишь избранные, я на минуту отпускаю себя – сидя за солидным двухтумбовым столом красного дерева, утыкаясь головой в стиснутые кулаки, замуриваюсь и с силой вдавливаю в глаза костяшки пальцев. Я вижу звезды и белые черточки, разрывающие тьму и сияющие ярче бриллиантов в кольце, которое я себе купила, потому что больше никто мне кольца не купит. Лучше видеть белые взрывы, чем дать волю слезам.

Я только что проиграла дело. И хотя я знаю, что к понедельнику горечь поражения ослабнет и надо будет заниматься другими делами, которые я веду, и другими клиентами, которых я представляю, – все равно это мучительно. Такое со мной бывает нечасто. Я не люблю поражений, поэтому предпочитаю побеждать. Как и любой адвокат. Это естественно – нам необходимо доказательство, что карьера по-прежнему идет вверх. Так устроена состязательная система правосудия.

Помню, для меня стало настоящим шоком, когда нам это объяснили на пальцах в начале стажировки в адвокатской коллегии. Я пришла в юриспруденцию с высокими идеалами (некоторые сохранила – рутина меня не сломила) и не ожидала услышать нечто жесткое.

– Истина – непростая штука. Нравится вам это или нет, но задача адвоката в состязательной системе правосудия – отнюдь не докапываться до истины, – говорил Джастин Кэру нам, двадцатилетним, вчерашним студентам Оксфорда, Кембриджа, Дарема и Бристоля. – Задача адвоката, по сути, сводится к тому, чтобы быть убедительнее оппонента. Дело можно выиграть

даже с горой доказательств против вас, если вы умеете убеждать. Ну и, разумеется, любой адвокат стремится победить.

Но иногда мы проигрываем, несмотря на все наше умение убеждать. По моему опыту, это почти неизбежно, если свидетель оказывается ненадежным, если он не может подкрепить свое заявление доказательствами, если при перекрестном допросе его рассказ начинает походить на моток шерсти, который трепал котенок, – клубок противоречий, становящийся еще более запутанным, стоит начать его разматывать.

Так случилось и сегодня в деле Батлера, деле об изнасиловании, осложненном домашним насилием: Тед Батлер и Стейси Гиббонс прожили вместе четыре года, и большую часть этого времени Батлер позволял себе рукоприкладство.

Я с самого начала знала: дело проигрышное. У нас всегда готовы осудить незнакомца-насильника, пресловутого негодяя из темного переулка, но едва речь заходит о насилии в семье, присяжные «затрудняются с решением».

Вообще жюри, как правило, голосует в подобных делах справедливо, однако сегодня этого не произошло. Порой мне кажется, эти люди застряли в викторианской эпохе: раз она твоя жена, официальная или гражданская, нечего выносить сор за порог; что происходит за закрытыми дверями, там и остается. Поверьте, очень противно копаться в интимной жизни пары, выслушивать, что надевает жена, ложась в постель (большого размера футболку из супермаркета), или как муж всегда курит после секса, хотя у жены астма и ему прекрасно известно, что от табачного дыма она начинает задыхаться. Остается недоумевать, откуда вообще в зале зрители, зачем они пришли поглазеть на эту жалкую, удручающую драму. Или это интереснее мыльной оперы, потому что участники – реальные люди и свидетельница плачет по-настоящему? К счастью, им этого не видно, потому что она сидит за ширмой и может не смотреть на своего предполагаемого насильника – толстошеего и с пороссячими глазками. В попытке казаться респектабельным он вырядился в дешевый костюм, черную рубашку и такой же галстук, в которых выглядит скорее зловеще, и теперь бросает взгляды на нее со скамьи подсудимых, отделенной от зала усиленным стеклом.

Это неприлично и пошло, это нескромно и бесстыдно, но я все равно задаю вопросы о самых интимных и страшных моментах, которые пережила Стейси, потому что в глубине души, несмотря на врезавшиеся в память слова уважаемого адвоката, хочу докопаться до истины.

Но защитник обвиняемого поднял тему порнографии – это стало возможным лишь потому, что мой оппонент сделал убедительное заявление о существовании прямой параллели между сценой из фильма для взрослых в DVD-проигрывателе, стоявшем в спальне Батлера и Гиббонс, и тем, что произошло с моей клиенткой.

– Возможно ли, – вопрошал мой ученый коллега Руперт Флетчер глубоким, властным баритоном, – что это была сексуальная игра, которую эта женщина теперь считает компрометирующей? Фантазия, которая, по ее мнению, зашла несколько дальше ожидаемого? В порнофильме женщину тоже привязывали – в точности как мисс Гиббонс. Возможно ли, что в момент проникновения Тед Батлер искренне считал, будто Стейси Гиббонс принимает участие в ролевой игре, которую они обсуждали ранее, играет роль, на которую согласилась добровольно?

Далее Флетчер изложил подробности порнофильма и зачитал эсэмэс моей клиентки: «Это меня возбуждает». И я увидела, как на лицах некоторых присяжных выразилось отвращение – например, у женщины средних лет, одетой чересчур нарядно для зала суда (видимо, она настроилась на процесс об ограблении или убийстве, и пикантные подробности дела Стейси открыли ей глаза). Было ясно, что сочувствие к Стейси исчезает быстрее, чем отступает отлив, обнажающий морское дно.

– Вы же фантазировали насчет связывания? – спрашивал Руперт. – Вы писали сообщение своему любовнику, недвусмысленно давая понять, что готовы попробовать? – Он сделал паузу, дожидаясь, пока рыдания Стейси разнесутся по лишенному окон залу суда.

– Да, – прозвучало ее невнятное признание, и с этой секунды уже не имело никакого значения, что Тед едва не задушил ее во время изнасилования или что запястья Стейси были до крови ободраны веревкой, когда она пыталась освободиться, – у нее хватило ума снять эти следы на айфон. После ее «да» все покатилося к чертям.

Я налила виски из стоявшего на тумбочке декантера. Я редко пью на работе, но сегодня был трудный день. Шел уже шестой час, приближались сумерки. Вечерние облака, подсвеченные золотом и нежными персиковыми оттенками, придавали особую прелесть внутреннему дворику. Мне всегда казалось, что вечером выпить не грех. Односолодовый виски обжег горло и приятно согрел желудок. Интересно, отмечает ли Руперт победу в винном баре напротив Высокого суда? Он не мог не понимать – по следам на запястьях и шее жертвы, по усмешке, появившейся на лице его клиента, когда зачитывали вердикт, – что Батлер виновен на все сто, но победа есть победа. И все же, если бы я сегодня выступала на стороне защиты, у меня хватило бы порядочности не злорадствовать и уж тем более не покупать бутылку «Вдовы Клико», чтобы распить с помощником. С другой стороны, я избегаю защищать фигурантов подобных дел. Адвокат, занимающийся и обвинением, и защитой, считается более квалифицированным, но я не хочу идти на сделку с совестью, представляя интересы тех, кого считаю виновными. Я предпочитаю выступать на стороне обвинения.

Ибо я предпочитаю быть на стороне истины, а не только на стороне победителей, и если я верю свидетелю, для меня это достаточное основание взяться за дело. Вот почему я стараюсь выигрывать – не только ради престижа, но и потому, что хочу защитить таких вот Стейси Гиббонс, а также тех, чьи случаи менее сложны и более ужасны – как у шестилетней девочки, изнасилованной собственным дедом, одиннадцатилетнего мальчика, неоднократно подвергавшегося сексуальному насилию со стороны начальника своего скаутского отряда, или студентки, которую принудили делать минет, когда она возвращалась домой одна поздним вечером, – я всегда на стороне таких, как она... Критерий доказанности в уголовном суде весьма высок – он предполагает отсутствие обоснованного сомнения, а не просто значительную вероятность, как в гражданских делах. Вот почему Теда Батлера сегодня освободили в зале суда: было брошено зерно сомнения, представлена гипотетическая возможность, придуманная Рупертом с его приторным голосом, что Стейси, которую присяжные могли счесть грубоватой, согласилась на жестокий секс и лишь спустя две недели, обнаружив, что у Теда интрижка на стороне, обратилась в полицию. А то, что она была эмоционально травмирована и боялась позора, бесцеремонности и недоверия в суде, как в итоге и получилось, присяжным в головы не пришло.

Я долила виски в тяжелый хрустальный бокал и плеснула туда чуть-чуть воды. Два бокала – моя норма, и я об этом помню. Без дисциплины нельзя – притупляется острота ума. Пожалуй, пора идти домой, но мысль вернуться в мою трехкомнатную квартиру, где царит идеальный порядок, совсем не привлекает. Вообще, мне даже нравится жить одной. Я слишком своевольна, чтобы заводить отношения, слишком ревниво отношусь к своему личному пространству, слишком эгоистична и слишком конфликтна. Я, как роскошью, наслаждаюсь своим одиночеством – мне не приходится приспосабливаться к чужим запросам, когда в голове у меня прокручивается очередное дело или я с ног валяюсь после выступления в суде. Но когда я проигрываю, меня возмущает замкнутая тишина. Я не хочу быть одна и пережевывать свои профессиональные и личные несовершенства, поэтому задерживаюсь на работе, когда семейные коллеги давно разошлись по домам, и ищу истину в кипах документов, придумывая способ победить.

По деревянным ступеням восемнадцатого века простучали каблуки других адвокатов, с лестницы долетел приглушенный смех. Начало декабря, все готовится к рождественским

праздникам. Пятница. В воздухе так и чувствуется всеобщее облегчение: закончилась трудная неделя. Я не пойду с коллегами в паб: у меня лицо надувшейся на крупу мыши, как говорила моя мать, а притворства с меня на сегодня достаточно. Не хочу, чтобы меня утешали и говорили, что вокруг сколько угодно самых разных дел, а браться за домашнее насилие – все равно что заведомо расписаться в поражении. Я не хочу через силу улыбаться, когда внутри все кипит, не хочу, чтобы мое настроение испортило общее веселье. К тому же там будет Ричард, мой бывший практикант – и любовник (но как о нас узнала его жена Фелисити, мы стали встречаться все реже). Не хочу раскачивать и тем более опрокидывать лодку их брака – и не хочу жалости Ричарда.

Раздался стук в дверь – резкий, короткий, дробный. Единственный человек, кого я сейчас смогу стерпеть, – Брайан Тейлор, мой помощник на протяжении всех девятнадцати лет работы на Свифт-корт, 1. У него сорок лет профессионального стажа, а здравого смысла и знания психологии больше, чем у многих юристов. Под гладко причесанными седоватыми волосами, аккуратно застегнутым костюмом и неизменным «мисс» (Тейлор свято блюдет иерархию, по крайней мере в офисе) кроется острая проницательность, знание человеческой натуры и строгие нравственные принципы. Вообще Тейлор очень закрытый человек. Только проработав с ним четыре года, я узнала, что от него ушла жена, и еще через четыре года – что она ушла к другой женщине.

– Подумал, что вы еще на месте. – Тейлор просунул голову в дверной проем. – Я слышал о деле Батлера. – Он перевел взгляд с пустого бокала на бутылку виски и снова на бокал, но ничего не сказал.

Я пробормотала что-то уклончивое – вышло какое-то горловое рычание. Тейлор остановился у стола, заложив руки за спину, внутренне спокойный, хотя чувствовалось, что ему не терпится поделиться очередной мудростью. Я невольно подыграла ему, откинувшись на спинку кресла и стараясь немного отвлечься от мрачного настроения.

– Вам необходимо что-то громкое. Резонансное.

– И не говорите... – У меня вырвался вздох облегчения: хоть кто-то знает меня достаточно хорошо, чтобы констатировать мои амбиции как факт.

– Вам необходимо, – продолжал Тейлор, хитро поглядывая на меня (его темные глаза так и сверкали от сенсационности пикантного дела), – нечто такое, что выведет вас на новый уровень. Позволит совершить прорыв в карьере.

У Тейлора что-то в руках. Так я и знала. С октября 2015 года все дела пересылаются в электронном виде, их уже не приносят обвязанными темно-розовой лентой, как пухлое *billet doux*². Но Брайану известно, что я люблю читать бумажные документы, корпеть над кипой бумаг, делать пометки, подчеркивать, выделять что-то маркерами, пока у меня не получится карта, по которой я и поведу дело в суде.

Тейлор всегда распечатывает для меня дела, и приятнее писем я не знаю. С уверенностью фокусника он положил досье на стол, как вынутого из шляпы кролика.

– И я принес вам именно такое дело.

² Любовное письмо (*фр.*).

Глава 2

Софи

21 октября 2016 года

Софи никогда не считала своего мужа лжецом.

Да, она знала, что он многое скрывает. Это часть его работы – по возможности экономить на правде. Для члена правительства это даже обязательно.

Чего Софи не ожидала, так это что муж станет ей лгать. Вернее, что он может вести двойную жизнь, о которой она ничего не знает. Секрет грозил сдетонировать под ее любовно обустроенным мирком и разнести его на куски.

В пятницу утром, когда Джеймс отвозил детей в школу, Софи вдруг захлестнула волна такой неистовой любви, что она замерла на ступеньках, упиваясь видом этой троицы. Они стояли в дверном проеме, как в раме. Джеймс, обернувшись, чтобы попрощаться, помахал ей левой рукой – так, как это делают политики. Софи всегда подшучивала над этим его жестом, но он, похоже, вошел у мужа в привычку. Его правая рука лежала на затылке Финна: челка у сына лезла в глаза, носки спустились на щиколотки, мыском он ковырял плитку пола – как всегда, не хотел в школу. Его старшая сестра, девятилетняя Эмили, уже стояла на пороге, твердо настроенная не опаздывать.

– Ну что, пока, – сказал муж. Осеннее солнце осветило по-мальчишески остриженную макушку и окружило ореолом всю его высокую, шесть футов три дюйма, фигуру.

– Пока, мам! – крикнула дочь и сбежала на дорожку.

– Пока, мамуля! – Финн, расстроенный изменением привычного порядка – сегодня в школу их вез папа, – выпятил нижнюю губу и покраснел.

– Пошли, будущий мужчина. – Джеймс направил сына к двери, авторитетный, не терпящий возражений, спокойный, и Софи почти рассердилась на себя за то, что до сих пор тает перед этой властью. Джеймс улыбнулся сыну, и черты его лица смягчились: Финн – его слабость. – Ты же всегда радуешься, когдаходишь в класс.

Он обнял сына за плечи и повел по их чистому садику в западной части Лондона, где фигурно подстриженные лавры напоминали часовых, выстроившихся вдоль обсаженной лавандой дорожки, все дальше удаляясь от Софи.

Моя семья, думала она, любясь идеальным трио: дочка, бегущая впереди, радуясь новому дню, – тоненькие ножки, раскачивающийся хвостик на макушке; сын, взявший папу за руку и смотревший на него с неприкрытым обожанием, которое бывает только у шестилетних. От сходства мужа и сына (Финн – Джеймс в миниатюре) у Софи сладко замерло сердце. «У меня прелестный сын и красавец муж», – думала она, глядя на широкие плечи Джеймса, занимавшегося когда-то греблей. Она ждала – вернее, надеялась, – что муж обернется и улыбнется ей, потому что Софи никогда не могла устоять перед его обаянием.

Конечно же он не обернулся, и Софи проводила взглядом своих самых дорогих людей в мире.

Все начало рушиться в 20.43. Джеймс опаздывал. Можно было догадаться, что он опоздает: сегодня же вторая пятница месяца, Джеймс вел прием избирателей в самой глуши своего округа в Суррее, в ярко освещенном сельском клубе.

Когда его избрали в парламент на первый срок, они всей семьей ездили туда каждые выходные, перебираясь в холодный, сырой коттедж, упорно не желавший становиться уютным, несмотря на дорогой ремонт. Когда Джеймса избрали на второй срок, стало возможным не притворяться, что им нравится по полнедели торчать в Терлсдоне. Летом там, конечно, было

хорошо, но зимой невыносимо скучно: Софи смотрела в окно на голые деревья, которыми был обсажен их сад, пока Джеймс окучивал свой электорат, и задабривала Финна и Эм, привыкших жить в городе и скучавших по суете и развлечениям их настоящего дома в Кенсингтоне.

Теперь они выбирались в Суррей не чаще раза в месяц, а Джеймс скрепя сердце ездил встречаться с избирателями каждые две недели. Пятничные встречи длились не дольше двух часов – к шести он обещал выехать.

Джеймс стал заместителем министра, и ему был положен водитель. Софи ждала мужа к половине восьмого: особых пробок не было. Сегодня они приглашены к друзьям на скромный ужин. Ну это только так говорится – друзья. Мэтт Фриск, тоже замминистра, был агрессивно амбициозен, что плохо сочеталось с принятыми в их кругу понятиями, где успешность была непременным условием, но неприкрытое честолюбие считалось вульгарным. Однако Мэтт и Элли – ближайшие соседи, и Софи нелегко было постоянно отказываться от приглашений.

Она обещала им быть к четверти девятого, а уже десять минут. Где же Джеймса носит? За окнами в город прокрался октябрьский вечер, черноту немного рассеивал свет уличных фонарей. Осень пришла незаметно, неслышной поступью. Софи любила это время года. Осень ассоциировалась у нее с новыми возможностями – о беготне по опавшим листьям в Крайст-Черч-Медоуз, когда у нее, первокурсницы, кружилась голова при мысли об открывшихся перед ней перспективах. С появлением детей настало время вить семейное гнездышко: уютно потрескивающие дрова в камине, жареные каштаны, бодрящие прогулки по осеннему холодку, рагу по замысловатым рецептам. Что-то таит этот осенний вечер, напряженный, как струна. На тротуаре раздался шаг, послышался игривый женский смех и низкий мужской голос. Не Джеймс. Шаги зазвучали громче, приближаясь, но быстро замерли вдали.

Софи нажала кнопку повторного набора. После нескольких звонков включился автоответчик. На мгновение утратив привычный самоконтроль, она раздраженно ткнула пальцем в гладкий экран. От страха замерло под ложечкой: на миг Софи снова оказалась в продуваемой всеми ветрами привратничкой оксфордского колледжа, где она сидела у таксофона в ожидании звонка. Сочувствие на лице швейцара, острый, пронизывающий страх, говорящий, что случится нечто ужасное, – почти нестерпимый в ту последнюю неделю первого семестра. В девятнадцать лет ей уже приходилось ждать его звонков.

Четырнадцать минут девятого. Софи позвонила снова, ненавидя себя за слабость. Телефон мужа сразу же переключился на автоответчик. Софи сняла воображаемую ниточку, поправила разноцветные плетеные браслеты и придирчиво оглядела ногти – аккуратно подпиленные, без лака, так не похожие на длинные глянцевые коготки Элли.

На лестнице раздался шаг и послышался детский голосок:

– А папа вернулся?

– Нет. Иди спать, – неожиданно для себя отрезала Софи.

Эмили уставилась на мать, приподняв бровь.

– Ложись в постель, милая, – добавила Софи мягче и пошла по лестнице вверх. Ее сердце бешено стучало пока она укладывала дочь в кровать. – Давай-ка уже успокаивайся. Папа скоро приедет.

– А когда приедет, он поднимется пожелать мне спокойной ночи? – надувшись и став невероятно хорошенькой, спросила Эмили.

– Мы собирались в гости, но если ты еще не будешь спать...

– Не буду. – Упорство Эмили, волевой подбородок и железная вера в себя делали ее настоящей дочерью своего отца.

– Ну, значит, обязательно поднимется. – Софи легонько поцеловала дочку в лоб, чтобы закончить разговор, и подоткнула одеяло. – Но только я не хочу, чтобы ты бегала по дому. Кристина очень даже неплохая няня. Когда папа приедет, я его к тебе отправлю.

Семнадцать минут девятого. Софи решила больше не звонить. Она не имела привычки следить за каждым шагом мужа, но от такого полного молчания ее бросало в дрожь. Обычно с Джеймсом очень легко связаться... Это на него непохоже. Допустим, они стоят в пробке на М25, Джеймс перебирает свои бумаги на заднем сиденье. Он бы обязательно позвонил, отправил эсэмэс, имейл, не заставлял бы ее волноваться. Помощница-француженка крутилась на кухне, мечтая, чтобы хозяева побыстрее ушли и она вытянулась бы на диване, радуясь, что весь дом принадлежит ей. Тщательный, почти незаметный макияж Софи уже не казался идеальным. Купленные для Фрисков цветы вяли на столике в холле.

Двадцать одна минута. Она позвонит Фрискам в половине девятого. Восемь тридцать. Софи не хотелось звонить. Восемь тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь. Понимая, что это нарушение правил приличия, в восемь сорок Софи отправила Элли Фриск коротенькую эсэмэс с извинениями: на встрече с избирателями возникли непредвиденные задержки, очень жаль, но сегодня они с Джеймсом не смогут прийти на ужин.

В «Таймс» нашлась статья Уилла Стэнхоупа об «Исламском государстве», однако слова бывшего сокурсника не доходили до сознания Софи. С тем же успехом она могла бы читать Финну рассказ о динозаврах-космонавтах: сюжет ее равно не занимал. Всем своим существом она сейчас была настроена на одно.

И вот наконец послышался звук отпираемого замка. Короткий скрежет – и шипение открываемой тяжелой дубовой двери. Его шаги – странно медленные, не привычная бодрая, уверенная походка. Глухой стук от поставленного на пол «красного ящика»³ – груз ненадолго сброшенной ответственности, самый прекрасный звук в вечер пятницы. Плеск сухого белого вина, наливаемого из бутылки. Звон ключей, положенных на столик в холле. И снова тишина.

– Джеймс, – позвала Софи.

Его красивое лицо казалось серым, улыбка была вымученной, одними губами. Морщинки вокруг глаз стали заметнее.

– Фрисков лучше отменить.

– Уже отменила.

Джеймс стянул пальто и аккуратно повесил его на вешалку, отворачивая лицо. Софи помолчала и обняла мужа за талию, его точеную талию, напоминавшую ствол молодого деревца, которое развивается вширь. Но Джеймс протянул руки за спину и мягко разомкнул руки жены.

– Джеймс! – Холод под ложечкой усилился.

– Кристина здесь?

– Да.

– Пусть уйдет в свою комнату. Нам нужно поговорить.

– Понятно. – Сердце у Софи затрепетало, когда она услышала свой ставший странно невыразительным голос.

Джеймс улыбнулся одними губами, и в его голосе появилась нотка раздражения, будто Софи была эгоистичным ребенком или медлительной подчиненной:

– Можно сделать это прямо сейчас, Софи?

Она внимательно смотрела на мужа, не понимая его настроения – она ожидала другого.

Джеймс растирал лоб длинными твердыми пальцами, на мгновение прикрыв зеленые глаза. Изумительно длинные ресницы касались щек. Потом он широко открыл глаза, и взгляд у него стал в точности как у Финна, когда тот пытался предотвратить взбучку и вымолить прощение. Таким взглядом Джеймс смотрел на Софи двадцать три года назад, признавшись, что переживает кризис, который грозит его уничтожить, и поэтому им надо расстаться. От этого воспоминания Софи до сих пор бросало в дрожь.

³ В красных кожаных кейсах высшие правительственные чиновники Великобритании перевозят официальные документы.

– Я очень виноват, Соф. Я так виноват...

Казалось, в эту минуту Джеймс изнемогает не только от бремени своих должностных обязанностей (заместитель государственного секретаря по борьбе с экстремизмом), а будто на него навалилась ответственность всего британского правительства:

– Я облажался по-крупному.

Дело оказалось в Оливии Литтон, которую Софи всегда считала парламентской референткой Джеймса. Высокая, светловолосая, двадцати восьми лет, со связями, уверенная в себе, амбициозная.

– Словом, и здесь сногшибательная блондинка. – Софи хотела съязвить, но ее голос прозвучал пронзительно.

Интрижка продолжалась пять месяцев. Джеймс порвал с Оливией неделю назад, сразу после партийной конференции.

– Это ничего не значит, – говорил он, обхватив голову руками, с виду искренне раскаяваясь. Откинувшись на спинку кресла, он сморщил нос и выдал еще одно клише: – Это был просто секс, очередная победа, льстившая мужскому самолюбию.

Софи с трудом сглотнула. Из груди рвалась ярость, и сдерживать ее становилось все труднее.

– Ну, это совершенно меняет дело.

Взгляд Джеймса стал мягче, когда он разглядел ее боль.

– У нас по этой части все всегда было нормально, сама знаешь. – Муж читал Софи как раскрытую книгу – умение, доведенное до совершенства за два десятилетия и крепко связывавшее супругов. – Я всего лишь совершил глупейшую ошибку.

Сидя на диване очень прямо, Софи ждала, когда ее гнев уляжется и она сможет разговаривать нормально, или когда Джеймс попытается перекинуть мостик через пропасть, разверзшуюся между ними, – протянет руку или хоть улыбнется жене. Но он застыл с опущенной головой, поставив локти на колени и соединив пальцы, словно в молитве. Вначале Софи не чувствовала ничего, кроме презрения, к этому лицемерному шоу в духе Тони Блэра (кающийся политик!), но смягчилась, когда у Джеймса дрогнули плечи. Это не было рыдание – просто глубокий вздох. Она вспомнила свою мать, когда ее отец (тот еще ходок) признавался в очередном «неблагодарии». Обреченная покорность Джинни – и мелькнувшая и сразу подавленная боль в зеленых, как море, глазах.

Неужели так поступают все мужья? Сперва ощущаешь боль, потом приходит гнев? Так не должно быть. Их брак не такой, как другие, он основан на любви, доверии и сексе, которым Софи занимается со всем старанием.

За свою жизнь она не раз шла на компромиссы и, видит бог, совершила настоящий подвиг веры, когда они с Джеймсом снова сошлись, но к чему все это, если отношения теряют прочность? На глазах у нее выступили слезы. Джеймс поднял голову и перехватил ее взгляд, о чем Софи немедленно пожалела.

– Есть и еще кое-что, – сказал он.

* * *

Ну еще бы, он бы не признался в измене просто так.

– Она беременна? – Эти два слова, циничные, но необходимые, вытянули все краски из разделявшего их пространства.

– Нет, конечно!

Софи невольно выдохнула: значит, никаких единокровных братьев-сестер у Эмили и Финна, никаких доказательств внебрачной связи мужа. Ей не придется ни с кем делить Джеймса.

И тут его лицо исказилось гримасой. Ногти Софи впились в ладони острыми полумесяцами. Она впервые заметила, что костяшки пальцев похожи на шарики из слоновой кости, прорывающиеся через розовую кожу. Что может быть хуже того, что другая женщина родит его ребенка – или сделает аборт, уничтожив его ребенка? Пойдут слухи, ведь интрижка – самая пикантная тема для сплетен. Сначала слухок пронесется в кафетериях палаты общин, но быстро выйдет за пределы «избранного круга». Кто уже об этом знает? Коллеги Джеймса? Премьер-министр? Жены других замминистров? И что теперь скажет Элли? Софи представила глупое пухлое лицо и плохо скрываемую жалость: может, соседка угадала истинную подоплеку ее эсэмэс и уже сочувствует Софи?

Она задышала глубоко и ровно. Роман на стороне они переживут, он останется в прошлом. Интрижка – не преступление, ну мелькнет где-нибудь в разговоре и быстро забудется, люди переключатся на что-то другое... Но после слов Джеймса опасность многократно возросла, угрожая все погубить. Софи задохнулась, словно от удара под дых, представив себе возможный сценарий развития событий. Такого она предусмотреть не могла.

– Эта история вот-вот появится в газетах.

Глава 3

Софи

22 октября 2016 года

Историю слили «Мейл», и им пришлось ждать свежих выпусков газеты, чтобы понять, насколько плохи дела.

Начальник службы премьер-министра по связям с общественностью Крис Кларк нервно мерил шагами гостиную. Телефон то был прижат к его уху, то будто прилипал к пальцам. Крысиное лицо осунулось от напряженного ожидания. Сузились маленькие глазки, посаженные близко к острому носу, сальному от постоянного фастфуда. Кожа у него посерела от ранних подъемов и недостатка сна.

Софи не выносила этого Кларка: ей были противны его гнусавый эстуарный выговор, самомнение, походка коротышки (при своих пяти футах девяти дюймах рядом с ее мужем Кларк казался карликом) и сознание собственной незаменимости для британского премьер-министра.

«Кларк способен найти общий язык с кем угодно. Мы все у него в кулаке: он наизусть знает наши недостатки и то, как их нейтрализовать», – сказал Джеймс, когда Софи заикнулась о своем инстинктивном недоверии к нему.

У нее нет барометра, чтобы измерить этого бывшего корреспондента «Мировых новостей» из Баркинга. Он холост и бездетен, но не гей, это точно, просто политика поглощает его целиком. В свои неполные сорок он являет собой олицетворение клише «женат на своей работе».

– Вот черт, – сказал Кларк, читая статью на айпаде в ожидании, пока доставят толстый субботний выпуск «Мейл». Рот у него скривился, как от кислоты.

Софи еле сдержала раздражение при виде заголовка «У министра интрижка с помощницей» и первой строки: «Близкий друг премьер-министра назначает свидания в коридорах власти».

Софи начала читать, но слова сливались в нечто неудобоваримое: «Самый сексапильный замминистра Британии занимался любовью со своей помощницей в лифте палаты общин! Эксклюзивный репортаж об этом в «Дейли мейл». Джеймс Уайтхаус, заместитель министра внутренних дел и конфидент премьер-министра, крутит роман с парламентской референткой непосредственно в Вестминстерском дворце. Женатый человек, отец двоих детей, Уайтхаус уединялся с 28-летней блондинкой Оливией Литтон даже во время партийной конференции».

– Ну это уже была глупость, – прорезал общее молчание голос Криса.

Софи пыталась обуздать свои эмоции и сказать что-нибудь спокойно и убедительно. Не в силах совладать с собой, она резко встала. Отвращение накрыло ее волной физической тошноты, и она поспешила удалиться на кухню. Склонившись над раковиной в надежде, что дурнота отступит, Софи ощущала под пальцами холод хромированной стали. Несколько секунд она смотрела на сияющую чистотой раковину, затем перевела взгляд на рисунок Финна, один из немногих, удостоившийся места на холодильнике. На листе четыре человечка с широчеными улыбками: отец возвышается над всеми, будучи вполтину выше жены и вдвое больше сына. Взгляд шестилетнего ребенка на мир. И подпись темно-розовым фломастером: «Моя семья».

Семья Финна. Ее семья. У Софи выступили слезы, но она поморгала и осторожно коснулась мокрых ресниц, чтобы не размазалась тушь. Сейчас не время плакать от жалости к себе. Софи думала, как бы поступила ее мать. Джинни налила бы себе двойной виски и ушла гулять с собаками среди продуваемых ветром скал. Здесь нет собак и безлюдного побережья,

где можно дать волю эмоциям и скрыться от газетчиков, которые, судя по опыту «неблагодарных поступков» других членов правительства, скоро будут кружить у их дверей.

Как все объяснить детям, которые ждут не дождутся, чтобы пораньше поехать на балет и плавание? Фотоаппараты. Репортеры. Финна еще можно обмануть, но Эмили? Вопросам не будет конца. «Почему они здесь? У папы что, неприятности? А кто такая эта леди? Мама, а зачем они хотят нас фотографировать? Мам, ты что, плачешь? Мам, а ты почему плачешь?» От мысли о предстоящем публичном позоре, всеобщем пристальном внимании и о том, что ей, Софи, придется успокаивать детей, пока не кончатся вопросы, ее вырвало.

Будут слова, брошенные ей вслед на игровой площадке, будут жалостливые взгляды или едва скрываемое злорадство других мамаш. На секунду Софи захотелось затолкать детей в машину и отвезти к своей матери в Девон, где высокие крутые берега изрезаны бесчисленными тропами. Но бегство означало бы признание вины и отсутствие согласия между супругами. Ее место здесь, рядом с мужем. Софи налила себе стакан воды из-под крана, через силу сделала пару глотков и вернулась в гостиную – посмотреть, как можно укрепить их брак и спасти политическую карьеру Джеймса.

– А что, она действительно типичная отвергнутая любовница? – Крис Кларк, ссутулившись, подался вперед, всматриваясь в Джеймса, будто ища вразумительное объяснение. Софи подумала: может, Кларк асексуален? От него веяло холодом, будто человеческие слабости были для него непостижимы, не говоря уже о безумствах, совершаемых под влиянием страсти.

– Я ей сказал, что наша связь была ошибкой и все кончено. Ее же нигде не цитируют, значит, в газеты обратилась не она?

– Она работает в Вестминстере и знает, как грамотно слить информацию.

– Через друзей?... – Джеймс с мученическим видом опустил взгляд на кипу печатных страниц.

– Ну конечно. «Он ее использовал. Она думала, у них настоящий роман, но он обошелся с ней просто гнусно», – сообщает особа, близкая к мисс Литтон».

– Я уже это читал, – перебил Джеймс. – Можете не повторять.

Софи присела на диван напротив, справа от директора службы по связям с общественностью. Пусть она покажется мазохисткой, которой нравится копаться в грязном белье, но оставаться в неведении она не могла. Необходимо понять, с чем она имеет дело. Софи перечитала рассказ «близкой особы» о том, через что пришлось пройти бедняжке Оливии, стараясь вникнуть в смысл текста. Джеймс вошел с ней в лифт в палате обшин, но «между этажами нажал кнопку «стоп», и поездка... затянулась». Софи представила себе ухмылку автора статьи, придумавшего этот каламбур, смешки и многозначительно приподнятую бровь читающего газету. Однако, хотя грубость и недвусмысленность описанного поразили ее в самое сердце, факты в своей совокупности начали обретать смысл. Софи оторвалась от статьи, прислушиваясь к тому, что говорил Крис.

– Значит, выбираем такую линию поведения: вы глубоко сожалеете об этой короткой интрижке и о боли, которую причинили своей семье. Одной из своих основных и первоочередных задач вы видите восстановление добрых отношений с супругой. – Тут Крис повернулся к Софи. – Надеюсь, с вашей стороны сюрпризов можно не опасаться?

– Каких, например? – испуганно спросила она.

– Вы же не собираетесь объявить, что бросаете мужа? Не захотите изложить собственную версию событий или тайно уехать в неизвестном направлении?

– Об этом обязательно нужно спрашивать?

– Разумеется. – Кларк оценивающе смотрел на нее.

– Конечно же нет, – ровно сказала Софи, ничем не выдав, что ее посещала мысль сбежать, скрыться в кроличьей норе девонширской глуши, подальше от Лондона и этой кошмарной ситуации. Удалось ей не выдать и своей досады на то, что Кларк ее раскусил.

Крис Кларк удовлетворенно кивнул и повернулся к Джеймсу:

– Главная проблема в том, что а) вы занимаете ответственный пост и б) трахались в рабочее время, оплаченное из кармана налогоплательщиков.

– Партийные собрания не финансируются налогоплательщиками!

– Но ваша деятельность как министра правительства ее величества финансируется! И новость о том, что вы пускаетесь во все тяжкие в лифтах в те часы, когда должны помогать управлять страной, будет воспринята, мягко говоря, неоднозначно.

– Я понимаю.

Софи, шокированная, не удержалась и взглянула на Джеймса: он даже не пытается отрицать, он все признает! Директор по связям с общественностью улыбнулся, и Софи подумала, уж не получает ли Кларк удовольствие от их унижения. Самоутверждается, ставя их на место, подчеркивает свою незаменимость для премьер-министра? Но, похоже, это была не только радость репортера от свежей сенсации. При всей его любви к грязным политическим трюкам – а у Кларка была репутация человека безжалостного, который придержит сплетню, чтобы использовать ее в нужный момент, совсем как правительственный «кнут»⁴, – он, казалось, осуждал Джеймса.

– Значит, так: отказывайтесь от любых комментариев, особенно касательно мелочей. Запомните: пока это все досужие пересуды. Не дайте себя втянуть в муссирование сплетен. В своем официальном заявлении подчеркните, что этот мелкий просчет ни в коей мере не повлиял на исполнение вами должностных обязанностей. Не позволяйте спровоцировать себя на отрицания: слово – не воробей, вылетит – не скоро отделаетесь. И вообще, не вдавайтесь в подробности. Твердите одно: вы глубоко сожалеете о мимолетной интрижке, главное для вас – семья. Уклоняйтесь от ответа, пропускайте вопросы мимо ушей, только не начинайте ничего отрицать. Вам ясно?

– Конечно. – Джеймс взглянул на жену и улыбнулся ей, но Софи никак не отреагировала. – Значит, мне не надо подавать в отставку?

– С какой стати? Премьер-министр, когда ему понадобится ваша отставка, скажет об этом прямым текстом. Но он не бросает старых друзей, а вы к тому же один из самых близких. – Крис указал на айпад и «Мейл». – Так здесь написано.

– Да. – Джеймс выпрямился.

Они с Томом Саузерном вместе учились в Итоне и Оксфорде, их жизни неразрывно переплетены с тринадцати лет. Единственное, на что можно твердо надеяться, – это что премьер-министр, известный своей почти фатальной преданностью, сделает все, что в его силах, но не бросит старого приятеля. Софи ухватила за эту мысль: Том не оставит Джеймса, это не в его характере, к тому же он многим обязан ее мужу.

– Он так и сказал. – Джеймс кашлянул. – Выразил мне свою поддержку.

У Софи вырвался вздох облегчения.

– Так вы уже поговорили?

Джеймс кивнул, но рассказывать ничего не стал. У них с премьером эксклюзивные отношения. Традиционные пьянки, сдергивание штанов с соучеников, университетские каникулы, когда они, двадцатилетние, планировали политическую карьеру Тома, а потом и Джеймса, когда он поднабрался жизненного опыта, спаяли их дружбу настолько прочно, как не объединяют ее с Джеймсом двенадцать лет брака и двое детей. Забавно, что Том, которого Софи до сих пор не может представить самым могущественным человеком в стране (у нее так и стоит

⁴ Организатор парламентской фракции правящей партии.

перед глазами, как он напился до поросычьего визга в последние каникулы в Тоскане), больше ищет поддержки друга, нежели Джеймс. Теперь, когда Том стал премьер-министром, это менее очевидно, но Софи знает об этой его слабости. Возможно, она одна ее и угадывает. Том обращается к ее мужу за советом, но при этом очень надеется на умение Джеймса хранить его, Тома, секреты.

– Если премьер-министр нас поддержит, все обойдется, – коротко сказал Крис. – В наши дни секс не губит карьеру, особенно если быстро решить проблему. Вот ложь – да. Вернее, если поймать на лжи... – Он вдруг брезгливо фыркнул. – Вы же не какой-то придурок, пойманный с руками в штанах за фотографированием своих причиндалов на смартфон! Многие избиратели среднего возраста сочтут абсолютно понятным ваше совокупление в лифте с молодой кобылкой, – усмехнулся Крис. – Это ваше личное дело и больше ничье, лишь бы все побыстрее улеглось и не повторялось.

– А как же служебное расследование моих отношений с референтом нашей фракции?

У Софи внутри все сжалось. От мысли о предстоящем внутреннем расследовании, которое пресса будет обсасывать, цепляясь, крича о сокрытии фактов и сетуя, что виноватых опять не нашли, ее бросило в дрожь. Это может погубить карьеру мужа и нанести серьезный удар по их браку, вновь и вновь растравляя рану.

– Премьер сам об этом заговорил? – напрягся Крис. Его бледно-голубые крысиные глазки расширились.

Джеймс покачал головой.

– Тогда в расследовании нет необходимости. Глупая интрижка, о которой скоро забудут... если вы от меня ничего не утаиваете.

Джеймс затряс головой.

– Ну тогда что ж... Вы же персона, особо приближенная к телу. Если сенсация быстро сойдет с первых полос, тогда вообще больше ничего не потребуется.

Софи хотелось смеяться: с Джеймсом все будет в порядке, ведь он такой правильный – закона не нарушал, пользуется покровительством премьер-министра. Она взглянула на книжные полки, где среди других книг заметила два романа Хилари Мантел о Кромвеле, – в ту эпоху все решала изменчивая королевская милость. С тех пор минуло больше четырех столетий, однако порядки в партии Тома до сих пор смахивают на придворные.

Софи позволила себе прикрыть глаза, отрешиться от новостей, от размышлений о том, как всех тут же охватывает стадное чувство, стоит сенсации появиться в соцсетях. Новости в наше время распространяются удивительно быстро... Но все обойдется, так сказал Крис, а он реалист и даже циник, он бы не пытался подсластить пилюлю.

Софи открыла глаза и взглянула на мужа. Его классически красивое лицо с высокими скулами, волевым подбородком и морщинками у глаз, выдававших сторонника здорового образа жизни и любителя посмеяться от души, осунулось. На нем застыло выражение, которое Софи привыкла считать своим.

Он смотрел на Криса Кларка, и в его взгляде тлел крошечный огонек сомнения, настойчивый Софи.

– Очень надеюсь, что вы окажетесь правы.

Глава 4

Джеймс

31 октября 2016 года

Солнце пробивалось сквозь шторы. Софи еще спала, когда Джеймс тихо вошел в спальню. Полседьмого утра, понедельник, прошло девять дней после скандала.

Впервые за все это время Софи не проснулась в полшестого. Джеймс смотрел на ее лицо без макияжа, смягчившееся от сна на пухлой подушке. Лоб ее избородили морщины, у виска в спутанных волосах отчетливо виднелась седина. Вообще Софи выглядит гораздо моложе своих сорока двух, но последние девять дней дались ей нелегко.

Джеймс стянул халат и тихо прилег на кровать, стараясь не разбудить жену. С пяти утра он просматривал газетные сайты: слава богу, о нем ничего. Кажется, пресса наконец смирилась с тем, что эта история развивается своим чередом. Согласно правилу Алистера Кэмпбелла, если сенсация восемь дней не сходит с передних полос, министр должен подать в отставку. Или он говорил десять дней? В любом случае Джеймс уложился в срок меньше минимума: воскресные газеты молчали. Ни малейшего намека на то, что шумиха еще не улеглась, даже в блоге Гвидо Фокса чисто. Крис тоже ничего не слышал. Все указывало на то, что таблоиды не раскопали новых подробностей.

Очень кстати подоспела очередная сенсация: раскрыт и сорван заговор террористов. Два исламских экстремиста из Майл-Энда планировали новый теракт в лондонском метро и были задержаны в момент передачи взрывчатки. Полицию охватил страх, что подробности дела просочатся в прессу и это повлияет на мнение присяжных, но газеты были заняты обсуждением потенциального ущерба от несостоявшихся терактов. Джеймсу не пришлось давить на председателя специальной комиссии, чтобы тот помог для виду затеять оживленную полемику. Малколм Твейтс, напыщенный бывший министр внутренних дел, задействовал бы свои контакты, подчеркивая явный вред британского климата для здоровья мусульманских беженцев, и разжигал бы страхи своих избирателей и всего белого населения Британских островов. Интрижка замминистра, о которой мало кто слышал за стенами Вестминстера, потускнеет в сравнении с якобы выявленным риском проникновения в страну целой орды потенциальных террористов.

Джеймс зевнул, чувствуя, как постепенно уходит напряжение последней недели. Софи пошевелилась. Он не станет ее будить, не осмелится даже тихонько обнять ее за талию, а тем более просунуть руку ей между ног. Теперь Софи обдает его арктическим холодом: идеально корректная в присутствии детей и Кристины, наедине она встречает мужа ледяной сдержанностью – и фригидностью. Это все, конечно, понятно, но долго так продолжаться не может. Секс – это энергия, которая сплавляет их воедино. Софи секс нужен не меньше, чем ему... Короче, ей как минимум нужны любовь и доказательство, что она по-прежнему желанна для своего мужа.

Именно это больнее всего задело ее в его интрижке с Оливией: Джеймс все понимает, он не дурак. Он вел себя недостойно, это даже не обсуждается, и добровольно признавался в этом в те редкие ночные минуты, когда Софи давала волю слезам. Ярость, которую ей удавалось сдерживать днем, прорывалась в коротких, мучительных рыданиях ночью. Беда в том, что Джеймсу хотелось секса чаще, чем жене. Он охотно занимался бы любовью каждый день. Это же разрядка – как на пробежку сходить или даже просто помочиться. Чисто физическая потребность. Ведь мы же чешем зудящее место, так и эта потребность должна быть удовлетворена. А Софи уже довольно давно, с тех пор, как дети были совсем маленькие, не ощущает такого всепоглощающего желания.

Джеймс осторожно придвинулся вплотную к хрупкой, худенькой Софи. Жена осталась очень стройной, став даже тоньше, чем в колледже, где она входила в основной состав греб-

ной команды. Прекрасные ягодицы, подтянутые от регулярных пробежек ноги, правда, живот немного отвис и покрылся тоненькими растяжками после Эмили и Финна. Не то чтобы Джеймс не желал Софи – разумеется, его влекло к жене, но Оливия буквально подала ему себя, как на подносе. И она, безусловно, очень хороша собой. Даже теперь, думая о ней как об отъявленной дряни – надо же, слила историю газетчикам, оставшись при этом в тени! – Джеймс не мог отрицать ее красоты. Тело, не испорченное материнством, упругие высокие груди, тонкие ноги, блестящие светлые волосы, пахнувшие чем-то цитрусовым, рот, говоривший о жестокости (ведь Оливия отнюдь не глупа, в чем отчасти и крылось ее очарование) – и чувственности.

Джеймс впервые изменил жене – ну если считать со дня свадьбы. Период помолвки не в счет – они же были студенты! Он перепробовал всех до одной девиц в колледже – как на работу ходил. Все изменилось, когда он познакомился с Софи: подружка, гребной спорт и выпускные экзамены на время охладили его пыл. Но все равно он не собирался ничего упускать: это же Оксфорд, черт побери, а значит, проба сил во всех сферах – интеллектуальной, эмоциональной и физической.

Ему все сходило с рук, как детские проказы единственному избалованному сыночку (две старшие сестры его тоже обожали). Софи ни разу ничего не заподозрила, потому что Джеймс выбирал девиц с других факультетов, курсов, других специальностей – в общем, исхитрялся как мог. Обычно связь ограничивалась одной, максимум двумя встречами: Джеймсу хотелось разнообразия, каждый раз чувствовать разницу между одной парой грудей и другой, криками разных женщин, между мягкими, влажными влагищами, соблазнительными изгибами локтя или шеи. Для юноши, который всю жизнь учился в частных школах для мальчиков, первый курс Оксфорда (а еще больше второй, прекрасный отсутствием экзаменов) означал безграничную, анархическую свободу.

Затем почти до тридцати Джеймс порхал по жизни мотыльком, расставшись с Софи на целых шесть лет. Он работал в Сити менеджмент-консультантом, засиживаясь в офисе до ночи, а потом шел куда-нибудь пить, и девиц у него было более чем достаточно. Но в двадцать девять лет в пабе в Ноттинг-Хилл он случайно встретил Софи. Она повзрослела в свои двадцать семь: она стала увереннее, опытнее, недоступнее – и соблазнительнее. На этот раз Софи заставила себя добиваться: в ней поселилось недоверие после его былых безрассудств и страх, что «кризис», заставивший Джеймса ее бросить (она видела Джеймса беспомощным и беззащитным, а этого он вынести не мог), разразится снова. Но, несмотря на эти метания, было очевидно, что они вновь сойдутся: как сказал Джеймс на свадьбе, не потрудившись перефразировать расхожее выражение, «это было как вернуться домой».

Ему искренне казалось, что он успокоился, обуздал свою страсть к легким победам. В период помолвки у него случилась пара эпизодов «дружбы с привилегиями» – с бывшей подружкой, решившей перед самой свадьбой отговорить его жениться на Софи, и с сослуживицей, которая начала его преследовать, не в силах понять, что Джеймсу нужен был только секс без обязательств. Это его сразу отрезвило. Навязчивость Амелии, ее дрожащие ресницы, прозрачные капли слез, выступавшие на глазах всякий раз, как он вскакивал с кровати, торопясь уйти, последний гневный телефонный звонок – ее голос визгливо шел вверх, пока Джеймс не оборвал истерику, нажав отбой, – все это заставило его подвести черту под легкомысленным поведением. Верность приходит в браке, решил он.

И ведь получилось! Почти двенадцать лет он был абсолютно верен жене, и не в последнюю очередь из-за детей. Джеймс всегда думал, что из него выйдет обычный, не особо нежный папаша, примерно как его собственный отец Чарльз, однако сын и дочь совершенно изменили его – по крайней мере на целых двенадцать лет. Пока Эм и Финн были младенцами, Джеймс испытывал двойственные чувства, глядя, как они срыгивают, лепечут или засыпают. Но когда дети научились говорить и посыпались вопросы, случился всепоглощающий любовный роман, начавшийся с Эмили и усилившийся с Финном. Джеймс почувствовал огромную ответствен-

ность и искренне захотел стать тем, кого его сын сможет уважать. Быть не только обаятельным, но и *порядочным* человеком.

Порой дети его раздражали: широко открытые вопрошающие глаза, крайняя наивность, полное доверие. В силу профессиональной привычки Джеймс редко бывал честен: он умел отбиваться стандартными ответами, не отражавшими суть вопроса, при этом его оппоненты оставались успокоенными – или одураченными. Но со своими детьми он вел себя иначе. Джеймсу казалось, что они видят его насквозь. Ради детей он был обязан стать лучше.

И долго, очень долго ему удавалось оставаться порядочным человеком. Джеймс поступал так, как подсказывали ему долг и благоразумие, и соблюдал клятву, принесенную в церкви шестнадцатого века в присутствии отца Софи Макса, который и не думал делать тайны из своих измен. Джеймс поклялся быть лучше Макса ради жены и своих детей и двенадцать лет – до годовщины свадьбы не хватило всего одного месяца – оставался верен слову.

Но как-то в мае он допоздна засиделся в палате общин, работая над новым биллем о противодействии терроризму. После голосования он спешил по галерее к Порткаллис-Хаус: он был голоден и рассчитывал найти нормальное кафе. И тут навстречу ему попала Оливия – она шла забрать сумку из своего кабинета, проведя веселый вечер с друзьями. Она была немножко – и очаровательно – подшофе. Проходя мимо Джеймса, оступилась и налетела на него, схватившись за рукав его пиджака. С ее левой ноги слетела туфля на высоком каблуке, и она босиком наступила на холодную сланцевую плитку пола. Ножка в прозрачном чулке оказалась совсем рядом с его начищенными «Чёрч». Сквозь чулок просвечивали покрытые малиновым лаком ногти.

– Упс! Простите, Джеймс, – сказала Оливия и прикусила нижнюю губу, сдерживая смех. В офисе от нее было не добиться ничего, кроме официального «Да, министр», хотя он знал, что за глаза подчиненные называют его Джеймсом, и призывал всех общаться по именам. Оливия не торопилась убирать руку с его рукава, хотя уже выпрямилась и сунула ногу в туфлю, и Джеймс неожиданно для себя обнаружил, что поддерживает ее под локоть.

– Вы в порядке? Может быть, вызвать вам такси? – Он повел ее к колоколу в Нью-Пэлас-Ярд, обеспокоенный и заботливый: ведь рядом с ним молодая женщина, слегка перебравшая коллега, которую нужно доставить домой.

Оливия остановилась и посмотрела на него снизу вверх, освещенная лунным светом, вдруг став совсем трезвой и чуть-чуть лукавой.

– Я бы выпила еще бокал.

Так все и началось – росток их романа проклюнулся тем благоуханным весенним вечером под темно-синим небом. Джеймс ограничился одним пивом, Оливия заказала джин с тоником. Они сидели за уличным столиком бара «Террас», рядом с Темзой. Джеймс смотрел в темно-серую речную глубину, глядя, как отражаются в водной ряби огни больницы Святого Фомы – там появилась на свет его дочь. Он сознавал, что переступает через свои принципы и рискует всем, что делало его добропорядочным человеком, примером для своих детей, – но ему было почти все равно.

В тот вечер они даже не поцеловались: вокруг были люди, да и Джеймс еще уверял себя, что устоит перед неизбежным. Все случилось неделей позже – после семи дней самой мучительной и восхитительной прелюдии в его жизни. Он извинился, что все произошло так быстро: ему хотелось поглотить ее (так ему казалось) быстро и без остатка. Оливия улыбнулась ленивой улыбкой:

– Будут и другие возможности.

– Как сейчас?

– Как сейчас.

Интрижка продолжалась – бурно, когда была возможность, но с перерывами на время парламентских каникул: на неделю в Саут-Хэмсе, недалеко от дома матери Софи, и две недели на Корсике, где Джеймс учил детей плавать на яхте и еженочно занимался любовью с женой. Роман с Оливией казался ему безумием, которое можно и нужно закончить, как только возобновятся парламентские сессии.

Вернувшись, он попытался дистанцироваться и после партийного совещания сказал Оливии, что все кончено. Он зашел к ней в кабинет, надеясь, что там она не устроит сцену и все ограничится деловым, можно сказать, профессиональным разговором. Спасибо, было мило, но им обоим понятно, что дальше так продолжаться не может.

Ее глаза повлажнели, реплики стали отрывистыми – такую реакцию Джеймс знал очень хорошо, и она его не тронула. Так реагировали все брошенные подружки и – в редких случаях, когда он ее огорчал, – его мать Таппенс.

– Так что, останемся друзьями? – спросил он, только чтобы услышать ее «да».

– Ну конечно. – Оливия весело улыбнулась, приподняв подбородок. Голос ее звучал задорно и смело, но все же дрогнул, подпортив впечатление. – Добрыми друзьями.

Так бы оно, может, и вышло, если бы он не сделал ошибку и не поддался искушению в последний раз. Джеймс придвинулся к Софи и обнял ее, не желая думать о том, что произошло в лифте. Не самое романтическое место, но в их с Оливией отношениях вообще было мало романтики: это Джеймс понимал и без «Мейл».

Видимо, тот эпизод и стал для Оливии последней каплей – не сам секс, а последующее поведение Джеймса. Следует признать, он держался несколько надменно, но ведь для него это была всего лишь разрядка. Быстрый и бурный секс отнюдь не означал, как наверняка надеялась Оливия, что они снова вместе.

– Спасибо, это именно то, что мне было нужно. – Поддавшись эйфории, Джеймс вдруг заговорил как пошляк – теперь он это понимал.

– Это как понимать?..

– Что? – Лифт остановился на нужном этаже, двери разъехались. Джеймс вышел в узкий коридор и открыл дверь, ведущую к комнате комиссии. Его мысли были заняты предстоящей повесткой дня, и ему было неинтересно, что скажет Оливия.

В ее глазах была боль, но нянчиться с ней ему было некогда. Они должны представить комиссии необходимые доказательства, заседание вот-вот начнется – у него попросту не было времени.

Может, если бы он ее поцеловал, погладил по волосам, простился более деликатно – словом, не был бы таким хамом, Оливия бы не обратилась в газеты. Но он просто повернулся и пошел по своим делам, оставив ее слегка растрепанной и с затяжками на колготках. Оставил смотреть ему вслед.

Софи пошевелилась и перевернулась на другой бок, к нему лицом, спугнув неуютные воспоминания. Ощущая знакомое тепло ее тела, Джеймс затаил дыхание, боясь, что она отодвинется. Он осторожно положил руку между ее лопаток и повел по спине, прижимая ее бедра к себе.

Софи открыла глаза – яркие и невероятно синие, будто удивляясь этой близости. Конечно, все девять дней она старалась держаться от мужа как можно дальше.

– Здравствуй, родная. – Джеймс решился легонько поцеловать ее в лоб.

Софи отвернулась, сдвинув брови до глубокой вертикальной морщины на переносице, будто решая, считать его смелость чрезмерной или нет.

– О'кей? – Джеймс подался к жене и поцеловал ее в губы.

– Не надо. – Она недовольно повела плечами, но не отодвинулась.

– Соф, но так не может продолжаться...

– Неужели? – Она взглянула на него, и в ее глазах Джеймс прочел боль, обиду, но и нечто обнадеживающее – смесь бессилия и надежды, намек на то, что и Софи устала от своей холодной сдержанности.

Джеймс убрал руку, освобождая жену из своих объятий, и отодвинулся, пристально глядя на нее. Между ними был примерно фут. Он протянул руку и нежно провел ладонью по ее мягкой щеке. Секунду Софи колебалась, но тут же чуть повернула лицо к руке мужа и, словно бы по привычке, которой она не в силах противиться, слегка поцеловала эту ладонь. Ее веки сомкнулись, будто Софи понимала, что, уступая, проявляет слабость.

Он привлек ее к себе и прижал к груди, пытаясь передать силой своих объятий, как много она для него значит. Плечи жены, казавшиеся такими напряженными последние девять дней, оставались скованными, но дыхание участилось – казалось, она старалась расслабиться, словно сама отчаянно этого хотела.

– В сегодняшних газетах ничего. Похоже, все позади, – сказал он, чуть отодвинувшись и целуя Софи в голову.

– Не говори так, не ищущай судьбу...

– Крис ни полслова не слышал за все выходные. И сегодня ничего, – отмел ее суеверные опасения Джеймс. – Думаю, все закончилось.

– Надо послушать «Сегодня». – Софи перевернулась на другой бок.

В половине седьмого радиочасы автоматически включались на новости: ожидаемое снижение процентной ставки, британская медсестра, заболевшая вирусом Эбола, очередная бомбардировка Сирии...

Они молча слушали.

– Ничего, – заключил Джеймс.

Глаза Софи наполнились слезами, как две огромные опрокинутые чаши. Вытерев глаза, она вдруг громко шмыгнула носом:

– Я так боялась...

– Чего? – удивился Джеймс.

– Ты знаешь чего... Вдруг газеты раскопают что-то о «либертенах»...

– П-ф! Вот уж это невозможно. – Он ненавидел те дни, не позволял себе думать о них и желал, чтобы и жена забыла. – Моя совесть чиста. Я там ни при чем, ты же знаешь.

Софи не ответила.

– Соф? – Джеймс приподнял ее лицо за подбородок и заглянул в глаза, улыбаясь самой убедительной и сердечной улыбкой. – Клянусь тебе, я чист!

Некоторое время они просто лежали рядом: Софи в объятиях мужа, а Джеймс – уткнул подбородок в ее волосы.

– Ты была моей опорой.

– Чем же еще я могла быть?

– Нет-нет, ты была для меня всем. Ты имела полное право сердиться... но ты и дети дали мне силы это выдержать... – Джеймс покрывал ее лицо легкими поцелуями, как она любила. Софи не отвечала на ласку. – Я тебе так обязан, Софи...

Тогда она посмотрела на него, и сквозь слой недоверия, выросший за последнюю неделю, проступил облик девушки, в которую Джеймс когда-то влюбился.

– Если я останусь с тобой – если мы вообще решим попытаться остаться вместе, – тогда мне нужно знать, что с этим действительно покончено.

– Мы ведь уже говорили об этом, – вздохнул Джеймс. – Господи, вряд ли я захочу снова увидеть эту женщину! – Он резко, коротко засмеялся. Вырвавшийся смех походил на лай. – Да мы и не пересечемся. Сейчас она на больничном, а потом ее переведут в другой офис, если она вообще вернется на работу. Мне не придется с ней общаться.

– Мне нужно знать, что это не повторится. Такого унижения я снова не вынесу. – Софи, передернувшись, отодвинулась от мужа, села на постели и обхватила руками колени. – Я не такая, как моя мать. Мы же договорились, что не станем, как они... как мои родители, – с упреком сказала она. – Когда мы женились, ты мне обещал!

– Я знаю, знаю. – Джеймс потупился, сознавая необходимость пока поиграть в раскаяние. – Что мне сказать, чтобы ты мне поверила? Как тебя убедить? Я – мы все – уже заплатили высокую цену за мой проступок. Я больше в жизни на такое не пойду. Ты – мой мир, – добавил он, садясь и обнимая жену за плечи. Софи не отстранилась, и Джеймс попытался другой рукой обнять ее за талию.

– Не надо, – сказала она, отодвигаясь на край кровати. – Пора будить детей.

– Но ты мне веришь? – спросил Джеймс, глядя на нее особым взглядом, перед которым Софи никогда не могла устоять, – в широко раскрытых глазах точно отмеренная толика недоверия.

– Верю. – Софи прижалась к груди мужа и скупно, грустно улыбнулась, словно признавая свою слабость. – Дура я, вот и верю.

И тогда он ее поцеловал – по-настоящему, открытым ртом и даже с языком. Поцелуй получился сдержанным, хотя и был далек от целомудренного.

– Там все кончено, – сказал он, глядя жене в глаза и силясь внушить ей уверенность, которую сам отнюдь не ощущал. – Все будет хорошо.

Глава 5

Кейт

31 октября 2016 года

Развернув «Таймс» на чистой столешнице в своей кухне-столовой, я методично просматривала полосы. Затем настала очередь «Сан», «Миррор» и «Дейли мейл». Сплошные статьи о предотвращенном теракте на станции метро «Майл-Энд», главный сюжет недели – бомбардировка прибрежной полосы Египта, но ни слова о Джеймсе Уайтхаусе, «друге премьер-министра, которого застали со спущенными штанами», как на прошлой неделе выразилась «Сан», или о «любовнике из лифта». На всякий случай я пролистала таблоиды, тайком взятые из кабинета наших клерков.

Удивительно быстро улеглась эта шумиха, заваленная настоящими, шокирующими сенсациями. Гробовое молчание кажется странным. Тухлое дело, как сказала бы моя мать. Премьер выступил с заявлением в поддержку коллеги, сказав, что полностью ему доверяет, что это дело частное и вопрос уже решился. Раньше заместители министров, уличенные в занятии сексом с подчиненными, моментально отправлялись в отставку, так с какой стати такая лояльность на сей раз?

Меня всегда раздражал фаворитизм по отношению к бывшим соученикам, но заикливаться на этой теме у меня нет времени. Уже девять часов, и, как всегда по вечерам, у меня документов воз и маленькая тележка – кроме шуток, сумка на колесиках, жмущаяся к ногам, как верный пес. Я просматриваю записки по делу Блэквелла: завтра слушание в Саутуарке, и мне предстоит выступать на стороне обвинения. Судят насильника-рецидивиста, который в марте в два часа ночи изнасиловал одиннадцатилетнего мальчика. Чем оправдывается Блэквелл? Дескать, он всего-то приласкал несчастного, а полупарализованный мальчик, в которого он влил четыре банки сидра, – «лживое дерьмо». Очаровательная линия защиты.

Работа спорится, и вскоре, несмотря на цинизм доказательств и неизбежную эмоциональную травму для ребенка, на душе становится чуть легче: Грэм Блэквелл, пятидесятипятилетний толстяк (сто шестьдесят килограммов), не понравится присяжным. Если не случится ничего из ряда вон, я, скорее всего, выиграю. После Блэквелла берусь за дело Батлера – изнасилование гражданской жены. Здесь придется потрудиться. Строчки плывут перед глазами, и я вдруг понимаю, отчего расплываются буквы: у меня выступили слезы, я чувствую, как они повисли на нижних ресницах. Вытираю глаза костяшками пальцев. Господи, как же я устала... На часах без двадцати одиннадцать – для меня относительно рано.

Потягиваюсь, пытаюсь взбодриться, но не столько гудящая усталость во всем теле (я исходила сегодня весь юго-восточный округ) или умственное переутомление от выявления всех юридических лазеек, сколько эмоциональное изнурение накрывает меня, как бархатный полог безлунной ночи. Здесь, в моей тихой, почти необитаемой квартире я страшно устаю от людской жестокости, особенно когда она направлена против женщин и детей. Я устала от обыденности сексуального насилия или, как мог бы выразиться Грэм Блэквелл, от неспособности послать все это к чертям собачьим.

Надо встряхнуться. Впадать в тоску для меня непозволительная роскошь. Моя работа – обличать этих ублюдков, использовать мою немалую силу убеждения, чтобы упрятать их в тюрьму. Я собрала папки, плеснула виски, нашла в морозилке кубики льда (я не забываю заморозить лед, хотя могу забыть, например, купить молоко) и поставила будильник на полшестого. В квартире холодно – барахлит центральное отопление, а у меня нет времени вызвать мастера, – поэтому я налила горячую ванну в надежде согреться и расслабить сведенные от напряжения плечи. Вода примет меня в свои ласковые объятия...

Я медленно опускаюсь в воду, от которой поднимается пар: почти кипятки, но облегчение наступает мгновенно. Меня никто не касался с прошлого месяца после короткого, не принесшего удовлетворения вечера с Ричардом. При виде собственной наготы я отчего-то ощущаю незащищенность. Надо же, какими тощими стали бедра! Ягодицы выпирают, как крошечные островки, живот впалый, груди маленькие – с каждым десятилетием я теряю один размер чашки лифчика. Лицо, может, и стало лучше – высокие скулы, выгнутые брови, а нос, который я когда-то ненавидела, уже не курносый, а прямой и маленький – мой подарок себе на тридцатилетие, самое красноречивое свидетельство моего преображения и успеха, – но тело скорее сухопарое, чем стройное. Во мне растет жалость к себе, когда я, вспоминая молодую Кейт, гляжу на свою стареющую, седеющую оболочку, ломкую и сморщенную, как буковые листья, которые хрустят под ногами по дороге от метро к моей квартире в этом перестроенном особняке. Я – иссохший лист.

Ох, ради бога, думай о другом! Мозг перебирает новости, как карточки в картотеке: египетское побережье, надоевший туман, прибытие сирийских беженцев еще до Рождества – и опять Джеймс Уайтхаус со своей крепкой дружбой с Томом Саузерном. Друзья с тридцатилетним стажем – достаточно долгий срок, чтобы обзавестись тайнами, разделить и хранить их. Интересно, таблоидные писакки еще кружат вокруг них, мечтая рассказать о ссоловности и коррупции, откопав на этот раз действительно пикантный сюжет?

Взять хоть ту нашумевшую фотографию, появившуюся сразу после избрания Саузерна на первый срок в 2010 году. Они с Уайтхаусом на ступенях лучшего оксфордского колледжа, одетые в форму своего элитного обеденного клуба «Либертены»: темно-синие сюртуки, бордовые бархатные жилеты и кремовые шелковые галстуки, пионами цветущие у холеных молодых лиц. Фотографию сразу изъяли из печати – новостные издания больше не имеют права ее использовать, но образ самодовольных мажоров остался. Я так и вижу их гладкие улыбающиеся лица, лица юнцов, шагающих по жизни по бархатной дорожке: Итон, Оксфорд, парламент, правительство.

И мне сразу вспоминается ребенок, ставший жертвой рецидивиста-насильника Блэквелла: насколько же у него изначально иные шансы, как непоправимо сломана его жизнь. Нечаянно касаюсь воды уголком газеты, и она мгновенно промокает. Бессильно роняю на пол пропитанный влагой ком. Меня вдруг накрывает волна горечи и боли, настолько огромная, что остается либо сдаться, либо подавить эмоции. Съехав пониже, я ложусь в ванне, радуясь безразличию горячей воды, сомкнувшейся над моим лицом.

Глава 6

Джеймс

1 ноября 2016 года

Джеймс быстрым шагом шел через Порткаллис-Хаус, Нью-Пэлас-Ярд и Вестминстер-холл, стараясь не смотреть на туристов, глазевших на объемное каменное чрево с уникальным консольным сводом четырнадцатого века.

Броги звонко стучали по каменным плитам, унося его прочь от невообразимой смеси акцентов (чешского, немецкого, испанского и, по всей вероятности, китайского) и утрированно правильной артикуляции молодого гида – должно быть, недавнего выпускника факультета международной политики, заученно пересказывавшего стандартный текст про самый большой свод подобного типа и самую старую часть Вестминстерского дворца. Джеймс поежился в своем старомодном твидовом пиджаке.

Здесь, в принадлежащем палате общин Вестминстер-холле – промозглом, суровом, овеянном историей, – Джеймса до сих пор поражает солидность его должности: член парламента от избирательного округа Терлсдон, парламентский заместитель министра внутренних дел, член правительства ее величества... Самый большой зал во всем Вестминстере спасали от пожара в октябре 1834 года в ущерб другим строениям. Здесь нет и следа претенциозности – ни геральдических лилий искусной работы на плитах пола, ни мраморных статуй, ни броских настенных росписей. Здесь не найти ярких красок – ядовито-зеленого цвета палаты общин и киноварно-красного – палаты лордов. Ей-богу, можно подумать, что дворцовый оформитель интерьеров, закинувшись кислотой, основательно оттянулся с цветовой таблицей 40-х годов. Вестминстер-холл со своим подчеркнуто простым серым камнем и темно-коричневым дубом мрачен и суров. Оливер Кромвель был бы очень доволен.

Вот только здесь невыносимо холодно. Холод настоятельно диктует людям кутаться в меха, чтобы соответствовать средневековым традициям почтенного места. Бескомпромиссный холод смеется в лицо современности и напоминает Джеймсу Уайтхаусу, если тот когда-либо вздумает занестись, о его пока что ничтожной роли в истории. Джеймс обогнул двоих полицейских, гревшихся у вертикального радиатора в притворе часовни Святого Стефана, и прошел в более теплый и уютный зал Святого Стефана с блестящими канделябрами, яркими витражами и настенными росписями, с внушительными статуями великих ораторов парламента, великолепных в своих длинных плащах с мраморными складками и при шпорах. Джеймс прошел мимо места, где когда-то был убит британский премьер-министр (единственный случай нападения на премьера в Британии), и едва увернулся от столкновения с ведром. Здесь все разваливается...

Никто на него, слава богу, не смотрел, и Джеймс пошел дальше через оживленное Центральное лобби, сердце Вестминстерского дворца. Депутат-лейборист, беседовавший с каким-то представителем электората, кивнул ему в знак приветствия – и недобро. Джеймс резко свернул влево и прошел мимо еще двоих полицейских в зону, куда простую публику не пускали, – в довольно узкий коридор, ведущий в лобби палаты общин и в саму палату.

Здесь ему было спокойнее. Сейчас, когда идет заседание, никакой кулуарный журналист не схватит его за шиворот, разве что он нарочно сунется в лобби, где им позволено находиться. Сегодня нет необходимости туда идти: проблемы внутренней политики на этой неделе не разбираются, нет дебатов, которые требовали бы присутствия лидеров оппозиции, нет вопросов к премьер-министру. Однако Джеймса будто что-то толкало появляться в общественных местах: он заходил в чайные комнаты, обедал в Порткаллисе, не пропускал заседаний. Он словно желал доказать себе и своим коллегам, что, как он уверял жену, все действительно кончено и забыто.

Конфиденциальная встреча с Томом на утренней тренировке показала, что Оливию и связанные с ней события можно считать вчерашним днем. Крис был взбешен, когда узнал об этой встрече, но Джеймс пробыл на Даунинг-стрит недолго и в четверть седьмого утра уже уехал.

Спустя сорок минут дружеского общения на гребном тренажере Джеймс готов был обнять своего старого друга.

– Спасибо, что не погнал в отставку, – сказал он в конце разговора, когда все «вернулось к истокам». Кожа его блестела от пота, со лба по лицу бежали капли.

Том, раздавшийся в талии после вступления в должность премьер-министра, сперва не смог ответить – так он запыхался.

– Ты для меня больше сделал, – выговорил он наконец.

Самый могущественный человек в стране бессильно повис на поручнях бегового тренажера, но, когда он выпрямился, его вид живо напомнил Джеймсу события более чем двадцатилетней давности. Тогда они бежали по Крайст-Черч-Медоуз, с молодой силой толкая друг друга, радуясь, что закончились выпускные экзамены, – или испытывая страх и отчаяние. Джеймс не хотел этих воспоминаний, но Тома понесло:

– Признай, это самое меньшее, что я мог сделать. Пришла моя очередь за тебя поручиться.

Пока все шло неплохо. Джеймс поймал парочку колкостей от ханжей-лейбористов, растолстевших северян, которые, должно быть, не занимались сексом с самого миллениума, сварливые лейбористки обдавали его презрением, но многие члены парламента были на его стороне и кивали в знак поддержки. Были и достаточно добрые замечания, в особенности от опытных политиков – бывших министров, помнивших Алана Кларка, Сесила Паркинсона, Тима Йео, Стива Норриса и Дэвида Меллора, не говоря уже о Стивене Миллигане, задохнувшемся во время сексуальных игр, когда его связали колготками. Никто не делал вид, что нынешний состав правительства «возвращается к истокам», никому не было дела до чужой моральной чистоплотности или ее отсутствия. Возникло некоторое беспокойство по поводу его смелого флирта с подчиненной, но стратегия Криса Кларка сработала безукоризненно. Интуиция Джеймса – а инстинкты у него работали отменно – подсказывала, что эта «шалость», возможно, занесена в апокрифический кондуит «главного кнута» или удостоится пары абзацев в будущих политических мемуарах, но что касается перспектив его политической карьеры, под интрижкой с Оливией уже подведена черта.

Облегчение было неимоверным. Джеймс остановился у дубовых ячеек для корреспонденции. Казалось бы, анахронизм в эпоху мобильных телефонов, поминутно вибрирующих от сообщений и имейлов, однако и ячейками активно пользуются. Дверца освещена, то есть его ждет сообщение – записка, неожиданно снисходительная, от Малколма Твейтса. Джеймс посмотрел на вход в палату общин. Стоявший у дверей главный швейцар – еще один анахронизм в черном сюртуке и жилете – поприветствовал его сдержанным, но вежливым кивком. В вестибюле было тихо, и Джеймс постоял здесь, глядя на бронзового Черчилля, который уперся руками в бока и набычился, как профессиональный боксер. У другой стены миссис Тэтчер с поднятой правой рукой и отставленным указательным пальцем словно вещала с трибуны палаты общин. Джеймс был консерватором нового толка, однако ему хотелось заразиться их непоколебимой верой в себя, вернуть себе привычное нахальство. Он кивнул Железной Леди, повернулся и улыбнулся швейцару самой обаятельной улыбкой.

Все будет хорошо. Проходя мимо арки палаты общин, он взглянул на красноватые пятна – следы пламени: здание сильно пострадало от немецких бомбардировок. Крыша обрушилась, однако если не знать, то никогда не скажешь: все отстроили заново. Вот так же восстановится и его карьера, расстроенная, но избежавшая фатальных разрушений. Главное теперь – помимо того, чтобы быть дружелюбнее со скучными коллегами, – это хоть как-то проявить себя

на ближайшем брифинге. Работа, конечно, неблагодарная, хотя Том знает, что он, Джеймс, еще может блеснуть. А сейчас пора возвращаться в офис. Он зашагал по коридору, покинув святая святых, это быющее сердце палаты общин.

Джеймс прошел через лобби палаты лордов – толстые красные ковры и обшитые панелями стены, украшенные васильковыми с золотым листком гербами министра юстиции и генерального прокурора. Пожилой пэр, ковылявший в копировальную, кивнул Джеймсу. Никто не разговаривал – молчание царило, как в монастыре трапистов, хотя высокую викторианскую готику аскетической не назовешь. Джеймс предпочитал эту роскошь и кулуарность сверкающей открытости Порткаллиса, современного здания парламента с огромным атриумом, обсаженным фиговыми деревьями. Хотя достопамятному совещанию комиссии лучше было бы состояться как раз в Порткаллис-Хаус – там у лифтов стеклянные двери...

Джеймс прогнал эту мысль и пошел короткой дорогой: спустился по винтовой лестнице, поплутал в лабиринте кабинетов административных служащих и вышел во двор у дальнего угла здания, обшитого пластиком и огороженного лесами, возле входа для герольдмейстера с черным жезлом. Яркое светило осеннее солнце, позади сверкала Темза, напоминая Джеймсу о золотых деньках в Оксфорде. Он давно отгородился от не столь золотых воспоминаний той поры, но вот надо было утром Тому вылезти со своим задушевым: «Признай, это самое меньшее, что я мог сделать. Пришла моя очередь за тебя поручиться».

– Мистер Уайтхаус?

Незнакомый голос вывел его из задумчивости, как раз когда Джеймс собирался вернуться к себе в офис по Миллбанк. К нему направлялся немолодой мужчина в сопровождении женщины лет тридцати.

– Чем могу помочь? Может быть, вам лучше записаться на прием? – Джеймс покосился на здание палаты общин с полицейской охраной и секьюрити. Не то чтобы он боялся встреч с избирателями, но предпочитал не рисковать, тем более что человек шел к нему с ухмылкой ненормального.

– Надеемся, вы все-таки уделите нам время, – сказал он, подойдя ближе.

Женщина, совсем не безобразная, как машинально отметил Джеймс, хотя плохо сидящий брючный костюм и негустые стриженные волосы ее не украшали, держалась на шаг сзади.

– Как прикажете это понимать? – Джеймс напрягся, но мужчина достал из бумажника удостоверение офицера столичной полиции, и улыбка Джеймса превратилась в застывший оскал.

– Детектив сержант Уиллис, а это моя коллега, детектив констебль Райдон. Мы вас разыскиваем, мистер Уайтхаус, но в вашем офисе никто не знает, куда вы подевались. – Уиллис говорил с веселой улыбкой, но смотрел в упор. От обилия резких гортанно-взрывных звуков речь его звучала жестко.

– Я выключил телефон. Понимаю, это серьезное преступление. – Джеймсу хотелось вызвать у детективов улыбку, но они остались невозмутимыми. – Я иногда так делаю в обеденное время, чтобы спокойно подумать. – Он снова улыбнулся и протянул руку.

У детектива на секунду сделался такой вид, будто с ним нечасто здороваются за руку, и отвечать на рукопожатие он не стал.

Джеймс притворился, что не заметил заминки, и непринужденно повел рукой вокруг.

– Может, продолжим разговор где-нибудь в министерстве? Я как раз туда шел.

– Да, пожалуй, для вас так лучше, – согласился Уиллис.

Его подчиненная, стройная, с тонкими чертами лица, кивнула со скрытой враждебностью. Джеймс, все еще отчего-то думая, как же вызвать у нее улыбку, лихорадочно решал, где незаметнее переговорить с полицейскими.

– Может, вы мне скажете, о чем у нас пойдет речь? – спросил он, стараясь дышать как можно ровнее.

– Об Оливии Литтон, – ответил сержант Уиллис, не сводя глаз с Джеймса Уайтхауса. Он расправил плечи, неожиданно широкие для его худощавой фигуры, и вдруг показался внушительнее: – Мы зададим вам несколько вопросов в связи с обвинением в изнасиловании.

Глава 7

Кейт

9 декабря 2016 года

Вечер пятницы. В приподнятом настроении я шла в гости к старой подруге. Эли живет в эдвардианском, с эркерами, доме на маленькой улочке в западной части Лондона. Прошла неделя с того дня, как Брайан вручил мне первые документы по делу Уайтхауса, и я до сих пор вне себя от волнения при мысли о том, что это дело будет слушаться в суде.

– О-о-о, какая ты возбужденная! Рождество? Или дело выиграла? – Эли поцеловала меня в щеку, принимая бутылку охлажденного просекко и букет цветов.

– Нет, только что поручили интересное дело, – объяснила я, идя за ней по коридору мимо целого леса пальто. Ноздри защекотал запах лазаньи – лук, чеснок, мясо со сладкой корочкой, – распространявшийся из тесной кухоньки в глубине дома.

Жизнь вокруг была ключом: старший ребенок шарил в буфете («А если я кушать хочу?»), вторая громко и без интереса играла на пианино, спотыкаясь на одном и том же пассаже, но и не думая его отрабатывать, и только младший, семилетний Джоэль, мой крестник, сидел тихо, занятый «Лего», который я принесла в надежде обеспечить часок спокойной беседы с его мамой. Однако уже через пятнадцать минут Джоэль почти закончил собирать конструктор – видимо, я выбрала слишком легкую модель.

Отодвинув вчерашнюю «Гардиан», Эли поставила передо мной чашку чая. У нее очень много дел, впрочем, как и всегда: четыре дня в неделю ведет уроки в школе, растит троих детей от семи до тринадцати лет и заботится о муже, Эде. Вот уж кому не приходится подчеркивать свою занятость, и это меня отчего-то обижает, будто жизнь Эли более насыщенная, чем моя. Материнство, брак и работа – пусть и не такая высокооплачиваемая, как моя, – отнимают у Эли столько сил, что к пятнице она, пожалуй, меньше всего расположена слушать о моих победах и тем более о моих проблемах. Видеть меня подруга, конечно, рада, но легко обошлась бы и без нашей встречи в конце долгой недели.

Вслух Эли этого, конечно, не скажет и не подаст виду, но я замечаю взгляд, брошенный на мою новую сумку – большую, из прекрасной твердой кожи, угадываю крайнюю усталость, тенью ложающуюся на лицо подруги и просачивающуюся наружу, когда Эли наконец присаживается к столу, шумно выдохнув – будто мячик спустили, – и, поморщившись, быстрыми, резкими движениями собирает волосы в хвост. Хроническую усталость выдают даже волосы – пронизанные седыми нитями светло-каштановые пряди, у которых давно пора подкрасить корни. На лбу между невыщипанными бровями залегли две глубокие морщины.

– Красивые очки. Новые? – спросила я, стараясь сделать ей приятное.

– Эти? – Эли сдернула очки, посмотрела на них будто впервые – одна из дужек погнута, стекла мутные – резко надела их на нос и посмотрела на меня с иронией и вызовом: – Им сто лет!

– Ты же ненавидела очки?

С подросткового возраста и до тридцати с лишним лет Эли носила только контактные линзы, считая очень гламурным надевать их без зеркала, балансируя крошечным прозрачным диском на кончике указательного пальца.

– Да? – Эли улыбнулась. – Очки дешевле, да и проще с ними... – Она пожала плечами, не желая озвучивать очевидное: у нее нет времени на себя, она уже и не помнит, что когда-то привлекала взгляды – стройная, светловолосая, уверенная в себе, в отличие от меня, скромной толстушки. Галерея образов прежних Кейт и Эли в разных физических воплощениях, наслаи-

вающихся друг на друга, промелькнула передо мной, как сменные платица на бумажных куклах.

– Ну что, как поживаешь? – Эли задрала очки на макушку и отодвинула оказавшиеся на столе детали «Лего».

Мне показалось, что на самом деле ответ ей неинтересен: Эли прислушивалась к шипению лазаньи в духовке, думала о школьной форме, ворохом лежавшей на полу у стиральной машины, и о том, чтобы переложить первую, выстиранную партию в сушилку, с тяжелой размеренностью вращавшуюся глухими толчками.

– Я сказала – без перекусов! – Вскочив, Эли захлопнула дверцу нижнего шкафчика, где потихоньку шарил старший из ее сыновей, вечно голодный десятилетний Олли. – Через десять минут будем ужинать!

– Но я есть хочу! – топнул ногой мальчишка и выбежал из кухни – в нем явно играл тестостерон.

– Извини, – улыбнулась Эли и снова присела. – Здесь нормально не поговоришь.

Тут же в кухню расслабленной походкой вошла Пиппа, старшая, и, гибкая, как кошка, облокотилась о спинку моего стула.

– А о чем вы говорите?

– Выйди отсюда. Все марш в комнату! – раздраженно повысила голос Эли. – Дадите вы мне спокойно поговорить с подругой десять минут!

– Но, мама... – запротестовал ошеломленный Джоэль, когда его бесцеремонно выставили из кухни.

Его старшая сестра выпрямилась и вышла, нарочно виляя бедрами как модель. Я проводила взглядом эту девушку-ребенка, невольно восхищаясь ее расцветающей красотой и страшась того, что может готовить ей будущее.

– Так-то лучше. – Эли отпила чая и удовлетворенно вздохнула.

Интересно, почему мы не пьем просекко? Сегодня же пятница. В свое время мы бы уже три четверти бутылки уговорили. Но Эли убрала вино в холодильник. Я отпила чая – слишком крепкий, Эли никогда не умела заваривать, как я люблю, – дотянулась до огромного пакета молока у раковины и разбавила чай молоком.

– Так что ты говорила о новом деле?

Стало быть, ей все-таки интересно? У меня даже улучшилось настроение, но в душе тут же шевельнулось дурное предчувствие.

– Дело обещает стать громким. Изнасилование. Фигурант – весьма высокопоставленное лицо.

– Ну-ка, ну-ка?

Я замялась. Меня так и подмывало чуть-чуть приоткрыть завесу – не углубляться в подробности, а просто назвать имя.

– Я не имею права об этом говорить. – Я подавила искушение посекретничать.

На лице Эли появилось выражение: «А, ну-ну, раз тебе так больше нравится». Она еле слышно огорченно выдохнула. Между нами стремительно росло отчуждение, мы не успели побыть, как раньше, лучшими подругами и сплетницами.

– Джеймс Уайтхаус, – нарушила я собственные правила, торопясь вернуть дружескую близость. К тому же мне хотелось посмотреть на реакцию Эли.

Голубые глаза подруги полезли из орбит. В эту секунду все ее внимание принадлежало мне – Эли забыла обо всем на свете.

– Министр?!

Я кивнула.

– И ты будешь поддерживать обвинение?

– Да. – Я округлила глаза. Самой до сих пор не верится.

Эли длинно выдохнула. Я приготовилась к неизбежным вопросам.

– Думаешь, он виновен?

– Королевская уголовная прокуратура считает, что существуют веские основания для возбуждения дела.

– Это не одно и то же. – Эли покачала головой.

Сморщив нос, я выдала стандартный ответ:

– Он утверждает, что невиновен, но, по мнению прокуратуры, доказательств для обвинительного вердикта достаточно, и я приложу все усилия, чтобы убедить в этом присяжных.

Эли резко встала, рывком открыла ящик и начала набирать шесть ножей и шесть вилок. Бутылочки для масла и уксуса она держала в другой руке, как пару маракасов. Обернувшись, она задвинула ящик бедром.

Может, ей неприятен мой юридический жаргон и манера вещать, как в суде? Но мне трудно, обсуждая дело, переключиться на разговорный язык, как трудно и оставить мою юридическую вьедливость и привычку к перекрестному допросу, когда я начинаю что-то доказывать. Эли явно не в духе – она упорно избегает моего взгляда, поджимает губы, будто сдерживается, чтобы промолчать. Но подруга скорее о чем-то задумалась, чем злится.

– Я в это не верю. Да, я слышала о его интрижке, но считаю его порядочным человеком. Он хорошо справляется со своими обязанностями, лично посещает мусульманские общины и не относится ко всем мусульманам предвзято. К тому же он такой душка...

– Душка?!

Эли, смутившись, пожала плечами.

– Ну этого тори я бы не выгнала из постели.

Вот это поворот, подумала я.

– Он же совсем не твой тип!

Уайтхаус совершенно не похож на Эда, с которым Эли вместе чуть не с двадцати лет: сейчас ее муж превратился в солидного, лысеющего директора школы.

– Я считаю Уайтхауса красавцем, – откровенно сказала Эли, и я увидела, как нелегкое бремя, которое она тащит по жизни – обязанности жены, матери, учительницы начальных классов, – разом спало с ее плеч после этого неожиданного признания. На мгновение нам снова стало по восемнадцать: мы собираемся на студенческую вечеринку, болтая, кто из парней нам нравится.

Пожав плечами, я начала освобождать стол. От реакции Эли мне стало неудобно. Вот с чем предстоит столкнуться в суде: подсудимый склонит на свою сторону всех женщин-присяжных, да и некоторых мужчин, потому что такая внешность никого не оттолкнет. Точный подбородок, красиво очерченные скулы, зеленые глаза, высокий рост – и харизма, это редкое свойство, выделяющее Уайтхауса из общей массы. Полный набор качеств лидера. Добавьте к этому обаяние, отпущенное ему в избытке, легкое, подкупающее обаяние, отличающее выпускников Итона. В таком обаянии окружающим чудится искренний интерес и неравнодушие. Перед этим трудно устоять – Оливия Литтон в этом уже убедилась. Я не сомневаюсь, что если посадить Уайтхауса на скамью подсудимых, а там он неизбежно и окажется, то он немедленно пустит в ход все свое обаяние как главный козырь.

– Что, несолидно с моей стороны очаровываться его внешностью, да?

– Да нет, при чем тут несолидно... Боюсь, это естественная реакция. От присяжных следует ожидать того же самого.

– Я все думаю о его бедняжке жене и детях – он же семейный человек! Наверное, поэтому мне трудно поверить в...

– О Эли, большинство насильников были знакомы своим жертвам. Это не негодяи с ножами, которые рыщут в темных переулках.

– Знаю. Тебе известно, что это я хорошо знаю. – Эли начала со стуком раскладывать на столе ножи и вилки.

– Ты мне еще расскажи, что не веришь в изнасилование в браке! – засмеялась я, желая скрыть огорчение и разочарование тем, что подруга верит в порядочность Уайтхауса.

– Ты несправедлива, Кейт. Так говорить нечестно.

В тесной кухне вдруг повеяло холодом. Эли стояла вся красная и потемневшими глазами смотрела на меня в упор. До меня вдруг дошло, что она не на шутку разозлилась.

– Я не хотела... умничать, – пошла я на попятный, чувствуя, как расширяется невидимая пропасть.

Трещина в наших отношениях появилась, когда я получила диплом с отличием, а Эли окончила колледж на слабые тройки, и расширилась после того, как она пошла работать в школу, а я – в адвокатуру. Подруга долго дулась на мое якобы интеллектуальное превосходство, однако иногда ее прорывало, и она тоже разражалась страстной речью о феминизме или гендерной политике, четко аргументируя свою порой весьма жесткую позицию. Неужели ее настолько изменил брак, материнство или просто возраст, сделав консервативной, не желающей верить, что мужчина приятной внешности – да что там, настоящий красавец – и к тому же представитель высшего общества способен на такое ужасное преступление? Все мы с годами смягчаемся, охотнее идем на компромиссы, меняем свое мнение, становимся не столь агрессивными, только вот я – исключение, особенно когда речь идет об изнасиловании.

Мне было обидно, но вымещать обиду на Эли было бы несправедливо. Это дело – и вполне вероятная перспектива того, что Джеймс Уайтхаус избежит наказания, – подействовало на меня неожиданно сильно. Несмотря на клокочущую в душе ярость, я умею эмоционально отстраняться. В редких случаях, когда я проигрываю дело, мне не дает покоя не только собственное поражение, но и последствия такого вердикта для истиц – женщин, чья манера одеваться, отношение к алкоголю и половое поведение изучались в суде чуть ли не под лупой, будто мы были какие-то озабоченные читатели таблоидов, но чей рассказ в итоге не получил доверия.

Обычно я легко оправляюсь после поражений: утренние пробежки, неразбавленный джин. Еще хорошо помогает, когда так загрузишь себя работой, что не остается времени на жалость к себе. Я представила доказательства, жюри приняло решение – все, живем дальше. Так я всегда себе говорю и обычно верю.

Но на этот раз меня задело за живое. И шансов у нас мало: обвиняемый и жертва состояли в отношениях, совсем как Тед Батлер и Стейси Гиббонс. Правда, семейного у Уайтхауса с Литтон было маловато, интрижка в основном проходила на работе – в лифтах, на офисных столах, за бутылкой «Вдовы Клико» в гостиницах и у Оливии дома. Некоторые показания позволяют предположить у Уайтхауса тягу к насилию, кроющуюся под обаятельной наружностью. Напрашивается вывод, что он со своим полнейшим пренебрежением к чувствам любовницы и обостренным ощущением собственных прав – обычный социопат.

Я не могу говорить об этом с Эли, не имею права раскрывать ей содержание показаний Оливии, детали случившегося. И дело не в профессиональной этике или в недоверии к подруге – мне претит расписываться в собственном бессилии: судебный процесс над этим высокопоставленным, харизматичным, пользующимся доверием человеком выиграть почти невозможно. Или мне не по себе оттого, что я теряю объективность, в которой никто никогда не мог усомниться?

– Давай не будем ссориться. – Моя замечательная подруга протянула мне бокал вина.

Предложение мира я приняла с благодарностью.

– Иди сюда. – Она раскрыла объятия с почти материнской нежностью.

Я порывисто обняла Эли, почувствовав исходящее от нее тепло и все ее маленькое мягкое тело, прижатое к моему, высокому и сухопарому.

- Не знаю, справлюсь я или нет, – призналась я Эли в макушку.
- Не говори ерунды.
- Вряд ли я добьюсь обвинительного вердикта. – Я отодвинулась, стыдясь своего признания.
- Ну это решать присяжным, ты же так всегда говоришь?
- Да. – От этой мысли мне стало совсем тоскливо.
- Это не дело, а настоящая головная боль. – Эли отпила вина. – У них была интрижка, и дамочка побежала в газеты, когда он дал ей отставку, выбрав все-таки свою жену и детей. Какая она тебе жертва? Она просто мстит!
- Это не значит, что она не была изнасилована, – ответила я сдавленным от злости голосом. Хорошо, что Эли не видела мои руки – кулаки сжались сами собой.

Глава 8

Холли

3 октября 1992 года

Холли будто попала на съемочную площадку или в детективный сериал «Морс» – такой вид открывался из сводчатых окон: золотой прямоугольник с ярко-синим небом и куполом библиотеки, как на буклетах колледжа и открытках с видами Оксфорда, которых она накупила, когда приезжала на собеседование. Камера Рэдклиффа, или Рэд-Кэм, как Холли, наверное, вскоре будет ее называть. Восемнадцатый век, культовое здание. Не столько «дремлющий шпиль»⁵, сколько солонка медового цвета. Библиотеку ежегодно фотографируют десятки тысяч туристов, а она сейчас видит ее из своего окна.

Ей даже не верилось, что она в своей комнате – даже в двух комнатах, потому что у нее «двушка»: просторная гостиная-кабинет, обшитая дубовыми панелями, с потертым кожаным диваном и огромным письменным столом с семью выдвижными ящиками, а за перегородкой – маленькая спальня с узкой кроватью.

– Вы вытянули счастливый жребий, – заметил портье, передавая ей тяжелый ключ с бородкой. Так оно и было: при жеребьевке комнат Холли достался четырнадцатый номер, что означало комнату в самой старой части колледжа, постройки шестнадцатого века, а не конуру в более новых зданиях в стиле викторианской готики или во флигеле постройки 70-х на другом конце кампуса. Темная, в пятнах, лестница постанывала под ее шагами, разворачиваясь вверх крутыми неровными ступенями. Холли отметила, как они стерты в середине от многовековых хождений студентов. Открыв тяжелую дубовую дверь, заскрипевшую совсем как в сказках братьев Гримм, девушка чуть не закричала от радости.

– Не как дома, а? – отвлек ее голос отца. Пит Берри разглядывал оконную раму с широким деревянным подоконником. – По-моему, сквозняки здесь те еще. – Он сунул руки поглубже в карманы и зазвенел ключами от машины, покачиваясь на носках.

– Да, дома по-другому. – Холли проигнорировала его критику, любясь солнечными часами на стене напротив, где смешивались голубой, белый, золотой и царственно-алый цвета. Дома у нее было полкомнаты, и ее сторона выглядела спартанской по сравнению с половиной младшей сестры Мэнди, заваленной косметикой «Риммель» и пластиковой бижутерией. А из окна виднелась бурая кирпичная стена соседнего дома, шиферная крыша и лес каминных труб, утыканных спутниковыми антеннами. И лоскут серого неба.

– Ну я, пожалуй, поеду. – Питу было неловко в этой обстановке – или в ее, Холли, присутствии.

Какой смысл играть роль заботливого отца, если шесть лет назад он исчез, бросив жену с двумя детьми? Он и сейчас приехал только потому, что у Холли набралось много багажа. Она уже пожалела, что не взяла с собой поменьше вещей: это позволило бы избежать необходимости поддерживать неловкую светскую беседу в «Ниссане-Микре», салон которой наполнял показное веселье Пита Берри – смесь гордости и плохо скрываемого раздражения и даже агрессивности.

Между ними стояли ее чемодан и рюкзак.

– Ну, пока, дочка. – Отец неловко шагнул к ней, раскрыв объятия. Холли стояла неподвижно. – Я тобой горжусь. – Пит Берри отодвинулся. – Ты, гляжу, в тупик не заедешь. – Работая автоинструктором, он часто так шутил.

– Нет, пожалуй. – Холли через силу улыбнулась.

⁵ Прозвище Оксфорда – Город дремлющих шпилей.

– Будь умницей.

«Как ты?» – едва не съязвила Холли. Именно его донжуанство, маниакальная потребность соблазнять женщин, которых он учил водить, и удивительное везение в этом деле заставили его шесть лет назад бросить семью. Но Холли сдержалась.

– Постараюсь, – сказала она.

– Вот и хорошо. – Пит снова побренчал ключами в карманах, даже не предложив ей денег: у Холли полный грант на обучение, а у него с деньгами туго. А может, ему просто в голову не пришло. – Ну, я поехал.

Холли не предложила ему пообедать в каком-нибудь пабе или даже местном баре «Уимпи». Внизу ее ровесники выходили с родителями под осеннее солнышко – все в темно-синих блейзерах и красивых верблюжьих пальто с сияющими, отлично подстриженными, ухоженными волосами. Послышался взрыв звучного смеха: чей-то папа хохотал, откинув голову, обнимая за плечи сына. Какая-то мамаша, придерживая свою высокую светловолосую дочь за талию, вела ее к домику привратника мимо тележки, доверху нагруженной одинаковыми чемоданами. Эти семьи роднило неуловимое сходство: все высокие, стройные, хорошо одетые. Привилегированные. Казалось, юноши и девушки, приехавшие учиться в Оксфорд, чувствуют себя абсолютно непринужденно, их ничего не удивляет, будто так и надо.

Мысль выйти во двор в сопровождении Пита Берри с его громким смехом, черной кожаной курткой и брюшком, свисающим на пояс джинсов, претила Холли. Весь облик ее отца диссонировал с окружающей обстановкой.

– Да, – произнесла она с пересохшим горлом, подсознательно медля отпустить нечто привычное и знакомое, хотя умом и рада была бы отбросить это и забыть. – Пожалуй, так будет лучше.

* * *

Когда отец уехал, Холли успокоилась – вернее, попыталась успокоиться. Она легла на кровать – еще незастеленную, этим она займется через минуту, – и уставилась в потолок, но тут же вскочила, не в силах оставаться на одном месте. Внутри все дрожало от волнения. Не решаясь выйти во двор, на солнце, она сказала себе, что пока сориентируется в корпусе, найдет туалет – второкурсница, водившая их по общежитию, сказала, что он наверху, – и посмотрит на соседей. Поднимаясь по лестнице, в обшитой панелями стене Холли увидела нишу, где помещались частично срезанный буфет и маленький холодильник. Холли заглянула внутрь. Молока нет, зато на проволочных подставках три бутылки с золотыми этикетками и толстыми пробками, прочно удерживаемыми проволочными намордниками. Холли, ни разу в жизни не державшая в руках такой бутылки, сразу догадалась, что это шампанское.

На верхней площадке открылась дверь, из нее высунулась голова с шапкой рыжих кудрей. Парень, скорее даже молодой мужчина, смотрел на Холли с ленивым благодушием.

– Тыришь мои запасы? – В его голосе слышалась солидность.

– Нет, что ты! – Холли смущенно выпрямилась, будто ее поймали с поличным.

– Нед Иддслей-Флайт. – Рыжий протянул руку.

Растерявшись, Холли поднялась по оставшимся ступеням и пожала ему руку.

– Политическая философия и политэкономия, третий курс. Ты где училась?

– В Ливерпуле, – удивленно ответила Холли.

Нед поднял бровь.

– Я имел в виду, в какой школе? – Он подождал ответа. – Я, например, в Итоне.

Холли стало смешно: парень, должно быть, шутит.

– Да ладно? – сказала она и сразу возненавидела себя за то, что не нашлась с хлестким ответом, который поставил бы рыжего на место.

– А что такого? – хмыкнул он.

Он произносил слова иначе, не так как она с ее гортанной интонацией, подскакивавшей вверх на первом слоге. Холли вдруг поняла, что от привычной манеры речи придется избавляться. Изысканно растянутые гласные рыжего неслышным эхом заполнили паузу, пока Холли придумывала, что бы такое сказать.

– Неважно, – спас положение рыжий. – Как тебя зовут, дорогая соседка?

– Холли, – ответила девушка, внутренне готовясь к неизбежному. – Холли Берри⁶.

– Это шутка?

– Нет. – Холли привыкла к такой реакции. У нее всегда было наготове неловкое объяснение: – Я была зачата в Сочельник, ну и отец проявил чувство юмора. Своеобразное.

Улыбка рыжего стала шире, и он откинул голову назад, совсем как тот папаша во дворе корпуса. Может, Холли этого Неда и видела?

– Да, такое не забудешь. Холли Берри! А ты колючая?

– Бываю иногда. – Он что, не придумал ничего менее примитивного? У нее за плечами детство, полное насмешек, но сейчас язык точно прирос к глотке, не в силах парировать. У Холли запылали щеки и даже шея, а неловкая пауза все длилась, подчеркивая ее неотесанность. Нужно срочно что-то сказать, чтобы стереть усмешку с его лица.

Рыжий снова улыбнулся ленивой улыбкой человека, у ног которого лежит весь мир. А ведь он вовсе не был так уж хорош собой. Мэнди – младшая сестра была куда опытнее Холли – на него бы и не взглянула из-за рыжей растрепанной шевелюры. Ей нравилось, когда ее мужчины – она встречалась именно с мужчинами, а не с парнями, – выглядели аккуратно. Впрочем, Мэнди никогда и не подавала бы заявления в Оксфорд. «Что я забыла в этом снобистском универе?» – прохаживалась она по выбору Холли, которую тоже считала снобом. Мэнди решила ехать в Манчестер и уже поступила на факультет бизнеса и предпринимательства в местный колледж, куда принимали с семнадцати лет. Изучать английский – «книжки читать» – пустая трата времени; куда лучше начать побыстрее зарабатывать или стажироваться по профессии, которая гарантированно принесет деньги в будущем.

Холли деньги не заботили. Она пошла на английскую литературу, потому что этот предмет давался ей лучше всего.

– Блестяще, – сказала учительница после экзамена на аттестат зрелости и рекомендовала матери Холли, чтобы девочка подавала заявление в Оксфорд. – Мои коллеги начинают понимать важность диверсификации в наборе студентов. Я считаю, что у Холли есть шанс, – заверила миссис Торогуд.

Холли попала в тот самый колледж, о котором мечтала: в рекламных буклетах он был самым красивым и находился ближе всего к центру кампуса и библиотекам. Холли сознавала, что процент первокурсников из рядовых школ будет незначительным, но ей и в голову не приходило, что она может встретить выпускника Итона! Об Итоне она, конечно, слышала, но очень абстрактно, примерно как о палате общин или Букингемском дворце. И вдруг она в одном общежитии с выпускником Итона! Холли вдруг захотелось компании попроще, как она сама. Хотя девушка и порывалась забыть свою прежнюю жизнь, на первый порох ей не обойтись без чего-то привычного.

– А по этой лестнице еще кто-нибудь живет? – спросила она.

* * *

Как выяснилось, Элисон Джессоп жила в другой части общежития, и специальность у нее была не английская литература, но Холли потянуло к ней, как железные опилки к маг-

⁶ Холли Берри (holly berry) – остролист (англ.).

ниту. Вначале ее внимание привлек смех Элисон: теплый, добродушный и неожиданно густой для такой миниатюрной миловидной девушки, откидывавшей назад волосы движением головы и лучезарно улыбавшейся в столовой парню, сидевшему через два ряда темных столов. Над Элисон висели тяжелые холсты в рамах – портреты знаменитых выпускников: архиепископ Кентерберийский, премьер-министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, актер, – а справа и слева от нее сидели серьезные мальчики (тоже с математического факультета, как позднее узнала Холли), бледные, прыщавые, с жидкими сальными волосами завсегдатаев библиотек. Элисон, с ее гортанным смехом и неоновро-розовой кофточкой под короткой черной мантией, казалась взрывом красок, оазисом гламура среди темных деревянных панелей сумрачного зала, освещенного мигающими светильниками.

Акцент уроженки Лидса у Элисон был менее заметен, чем у Холли, – так, усредненный северный на слух соучеников-южан с их ленивой гнусавостью, резким «р» и звуком «эй», который они тянули тепло и снисходительно, а Холли и Элисон произносили коротко и плоско. Элисон окончила частную школу и могла бы стать в Оксфорде своей, но она намеренно подчеркивала свое северное происхождение, не считая его позорным клеймом, в отличие от Холли. «А где же тут пирог с подли-и-ивой?» – тянула она в очереди в столовой с утрированными интонациями любительницы голубей и набрасывалась на еду с такой решимостью, что невольно думалось: такая и на жизнь в Оксфорде набросится с тем же аппетитом.

Это должно было бесить – и бесило бы, будь Элисон синим чулком или коротко стриженной толстушкой, как Холли, но она была просто создана для коктейльных платьев. У Эли было ангельское личико сердечком, большие голубые глаза и чувственные, четко очерченные губы, в которых часто виднелась незажженная сигарета, а мягкая пачка лежала в заднем кармане.

Специальность Элисон тоже должна была намекать на занудство характера, но противоречия, из которых была соткана эта девушка – милое личико и дерзкий смех, скучный, сложный предмет и жизнерадостная натура, – интриговали и пленяли. Элисон тоже прониклась к Холли симпатией.

– Черт, ну вот я тебя и нашла, – заявила она в первый же вечер со страстностью, характерной для знакомств первой недели – альянсов, из которых многие не могут выпутаться весь семестр, а то и курс, и осушила стакан разбавленного сидром пива с черносмородиновым ликером. – Ну что, выпьем еще?

С Элисон Оксфорд начал казаться Холли терпимее – по крайней мере, по части общения: академическая сторона вообще не представляла для нее трудности. В первом семестре они изучали средневековую литературу и викторианских авторов, по одному в неделю: Харди, Элиот, Патер, сестры Бронте – Шарлотта и Эмили, Теннисон, Браунинг, Уайльд, Диккенс (на последнего отвели две недели, снизойдя к объему его творчества).

Прочсть книги, непонятно как ускользнувшие от всю жизнь жадно читавшей Холли, было несложно – они имелись в библиотеке. Так же легко оказалось и овладеть наукой писать сочинения, потому что Холли была организованной и дисциплинированной, много работала и устанавливала для себя реалистичный срок, когда садиться за еженедельное сочинение (в восемь вечера накануне коллоквиума, который шел первой парой на следующий день). Она занималась с не свойственными ее возрасту ответственностью и зрелостью, появившимися у нее еще в школе, где ровесники ее игнорировали и книги стали единственным убежищем от непрекращающихся издевательств. Но стать своей в Оксфорде оказалось задачей куда более сложной.

Острота вопроса поубавилась с появлением Элисон, которую Холли побаивалась бы, не будь они землячками. Йоркшир и Мерсисайд, сливаясь в один сплошной непонятный «сурро-о-овый» север, делали Элисон и Холли двумя белыми воронами в единообразной черной стае. Конечно, не только они выделялись из массы общительных южан – выпускников частных школ: на их потоке был и открытый гомосексуалист, который в конце первого курса уехал жить в

Бристоль, и азиат с математического, выделявшийся по естественным причинам. Эти белые вороны держались особняком и не общались с теми, кто бегал из библиотек в бары, из баров в комнаты, с семинаров в столовую или во двор холодными лунными ночами. Они появлялись, чтобы похлопать глазами на экзаменах, но в остальном жили в параллельной вселенной – в компьютерном классе, где находили себе друзей из других университетов на интернет-форумах.

Холли и Элисон от них отличались. Во-первых, девушки в «мужском монастыре» автоматически вызывали к себе повышенный интерес. Во-вторых, они вовсе не были социально неадаптированными – во всяком случае, Эли. И вместе с эксцентричной, остроумной, горластой подругой Холли какое-то время удавалось участвовать в студенческой жизни, держась за фалды Элисон.

В конце первой недели, называемой отчего-то нулевой, шум из бара в подвале распространился по всему общежитию. Густой утробный мужской смех смешивался с визгливым и делано веселым хохотом девиц, пытавшихся вписаться в коллектив.

Конденсат буквально стекал по ступеням: в тесном зальчике дышали более восьмидесяти студентов. Холли проталкивалась сквозь толпу вслед за Элисон, когда ее нечаянно прижали к мокрой спине молодого человека. Футболка на нем промокла от пота, а ягодички, обтянутые джинсами, показались горячими даже через одежду.

– Два «Змеиных укуса» с ликером, – сказала Эли бармену, небритому красавцу-третьекурснику. Запустив пальцы в вырез кофточки, она выудила из лифчика смятую банкноту в пять фунтов, а три фунта сдачи затолкала в карман джинсов.

Нижний слой коктейля оказался приторным и липким – к горлу Холли подкатывал противный комок, когда она пробиралась в плотной массе пульсирующих тел. Общий разговор то стихал, то оживлялся и тогда усиливался до крика. В углу бара висел табачный дым, колечками вылетающий изо рта Неда Иддслея-Флайта, приветствовавшего Холли ироническим кивком, и других одинаково одетых третьекурсников – рубашки с подвернутыми манжетами и приспущенные джинсы, над поясом которых виднеется резинка трусов от «Кельвин Кляйн». Волосатое запястье Неда было обвязано тесемкой.

Девушки протолкались в самый дальний угол бара, за бильярдный стол. Время было позднее, бар уже закрывался. Холли рвалась поработать в библиотеке, но Элисон, озадаченная поведением подружки («Незачем быть такой зубрилкой»), затащила ее сюда. В этом темном углу пили, наверное, уже несколько часов. Холли поскользнулась на разлитом сидре, гулко задела бедром темный деревянный стол и сконфузилась, когда кто-то схватил ее под локоть и помог восстановить равновесие, небрежно приобняв за талию.

– Да это малютка первокурсница! Куда спешишь? – прокричал парень ей в ухо.

Холли почувствовала, как напряглось ее тело от мимолетного прикосновения. Студент не имел в виду ничего такого, но все равно это было неожиданно. Холли сразу вспомнилась фраза «Трахни первокурсницу», гудевшая в столовой, когда второкурсники оценивали новеньких. Холли покосилась на парня: что это он задумал? Но он уже отпустил ее и, запрокинув голову, залпом пил пиво из пинтовой кружки. Его кадык двигался вверх-вниз, золотистая жидкость лилась в горло, а Холли смотрела как завороченная, не в силах забыть прикосновение его пальцев.

– Иди сюда, все интересное пропустишь! – позвала ее Элисон, протянув руку – на ее ногтях был облупленный лак цвета фуксии. Холли схватилась за руку подружки и буквально прокатилась по разлитому на полу сидру, расталкивая и распахивая толпу. – Все в порядке? – спросила Элисон. Ее лицо, разбурлявшееся в этой оживленной сутолоке, блестело от пота.

Холли кивнула, подавив нехорошие предчувствия и поддавшись разгоравшемуся в ней острому любопытству. Рядом затевалось что-то новое и, скорее всего, недозволенное: студенты сгрудились в дальнем углу, загораживая стол, и начали скандировать:

– Рос-ко, Рос-ко, Рос-ко!

Несколько рук синхронно барабанили по столу, и наконец толпа взорвалась оглушительными одобрительными возгласами: это был грубальный рев удовольствия от нарушения какого-то табу.

– Да черт возьми! – Роско, пошатываясь, пробился через толпу. – Мне нужно пива. – Его симпатичное широкое лицо покраснело, но за возбуждением Холли угадывала смущение. А может, это действовало выпитое: запрокинув голову, Роско лил в рот пиво из пинтового пластикового стакана.

– А ну, давайте Гиза! – объявил другой парень, такой же широкоплечий, как и первый. Его предложение было встречено общим радостным ревом.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди! – начали скандировать студенты.

Парня вытолкнули из толпы и затащили на стол. Он огляделся, ухмыляясь от радости, что его поддерживают друзья-регбисты. Кругом были одни участники местной команды регби – Холли поняла это по эмблемам на футболках с гербом колледжа.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди!

Энди лег на стол лицом вверх.

– Давай, парень!

Холли наблюдала сначала с интересом, затем растерянно и, наконец, с ужасом, как другой парень из команды регбистов спустил джинсы и трусы и встал на четвереньки над хохочущим Энди.

– Солсбери! – поднялся рев.

Третий парень поднялся на скамью с пинтой пива и начал лить его на голую задницу Солсбери, откуда все стекало в рот Энди.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди, – ритмичный стук по столу почти заглушил скандирование, но вскоре раздался торжествующий рев: Энди с трудом поднялся, отплевываясь пивом и требуя себе еще пинту, а полуголый Солсбери, прыгнув со стола, натягивал трусы и джинсы.

– Черт! – Энди выплюнул чуть не половину пива. – Гадость какая!

– Еще кто выпить желает? – Заводила, ливший пиво, огляделся вокруг, и, к недоумению Холли, следующий регбист, выпятив грудь и виляя бедрами, как ковбой перед дуэлью, занял место Солсбери.

– Что они делают? Зачем они это вытворяют? – вырвалось у Холли. Она проводила взглядом побагровевшего Энди, которого дружеским захватом за шею приятели тащили к бару, хлопая по спине.

– Это анальная пьянка! – прокричала Элисон ей в ухо. – Регбисты развлекаются!

– Что?!

– Я точно знаю. Тот, который сейчас стоит, – стипендиат, я видела его мантию в столовой. Должно быть, очень способный. – Элисон приподняла брови и снова повернулась к столу.

Холли смотрела на парня, о котором говорила Эли: он возвышался над другими игроками, одной рукой наклонив пластиковый стакан с пивом, а другую уперев в бок, как фермер, представляющий на выставке свою лучшую скотину. Его лицо над толстой шеей казалось благодушным, темные глаза блестели под мокрой от пота длинной челкой, за приоткрытыми розовыми губами виднелись превосходные зубы. Вылив янтарное пиво, он закинул голову назад и испустил ликующий рев.

Разочарование страшной тяжестью давило в груди, как физическая боль. И это самые светлые головы поколения? Холли казалось, что в Оксфорде можно говорить о философии или политике и она наконец разразится гневной тирадой против правительства Мейджора, а

тут приходится смотреть, как широкоплечие парни с тягучим акцентом лакают пиво с задниц друг друга!

– С ума сойти, да? – Элисон широко улыбнулась подруге, весело округлив глаза. Кажется, она не испытывала никакого отвращения. Скорее, ее интриговал этот аспект студенческой жизни.

Тут Холли спохватилась, что Энди, второй из регбистов, принимавших участие в забаве, стоит рядом с ней. Выбравшись из толчеи, он всячески старался стушеваться, слиться с толпой. Ссутулив мощные плечи, будто желая стать незаметнее, он целенаправленно наливался пивом, глядя в никуда. Перехватив его взгляд, Холли попыталась без слов выразить ему свое сочувствие. Энди отвел глаза, но она заметила, что он мгновенно залился краской.

Глава 9

Холли

Осень 1992 года

Сидевшая в просторном кресле Софи Гринуэй подобрала под себя ноги и, оторвавшись от сочинения, которое читала вслух, улыбнулась доктору Говарду Блэкберну, известному специалисту по средневековой английской литературе.

Шла вторая неделя осеннего триместра. Холли следила, как их куратор неотрывно смотрит на Софи, ловя легкие движения ее стройных ног в плотных черных колготках. Она томно скрещивала ноги, то изящно забиралась на сиденье кресла, подгибая ноги под себя. В будни Софи ходила в облегающем спортивном комбинезоне – стандартном темно-синем с голубым, подчеркивая свою принадлежность к первой восьмерке гребной команды колледжа. Но для занятий с Говардом делалось исключение, и в ход шли короткие юбки из шотландки, лоферы и плотные колготки.

Софи читала сочинение о куртуазной любви по «Сэру Гавейну и Зеленому Рыцарю». Концепция любви без физической близости, преклонение на расстоянии, уничтожение себя ради служения прекрасной даме, страх навлечь на себя ее презрение или неудовольствие – и все это ради того, чтобы доказать свое рыцарство, истинное благородство и отвагу.

Сочинение Софи не содержало каких-то откровений – Холли не услышала ничего нового, чего не было в методичках «Йорк ноутс», которые она тоже пролистала, прежде чем обратиться к К. С. Льюису и Э. К. Спирингу, – да и стиль оставлял желать лучшего. Сочинение состояло из азбучных истин – такое, как позже узнала Холли, называют бета-минусом. Но все это было неважно, важнее было то, что шесть столетий назад благородные рыцари как один падали бы к ногам Софи. Если Холли в ту эпоху судьба сулила быть крестьянкой, Софи бы милостиво принимала или отвергала куртуазную любовь.

Софи снова положила ногу на ногу. Холли просто глаз отвести от нее не могла. Элисон тоже хорошенькая, но в Софи было что-то еще, будто ее красота – результат совершенствования многих поколений или же ее предков специально обучали так выглядеть. В Софи чувствовалась принадлежность к определенному классу: стройные даже в бедрах ноги, аристократически тонкая кость, изящно изогнутые брови, густые темные волосы, которыми, к раздражению Холли, Софи умело играла, отбрасывая их то вправо, то влево. Глаза у нее были ярко-синие и такие большие, что Софи могла без усилий притвориться – вот как сейчас – наивной или непонимающей. Если бы Холли предложили подобрать самый точный эпитет для описания Софи, она бы сказала: «Высший класс», – но это выражение из отцовского лексикона было бессильно передать всю уникальность Софи.

Холли считала несуразным, что их с Софи сделали мини-группой на весь семестр, при том что английскую литературу в колледже Шрусбери изучали семеро студентов. Девушки разбирали средневековые произведения с доктором Блэкберном, а затем их ждал англосаксонский перевод. У Говарда Холли чувствовала себя неловко. Ее ботинки «Доктор Мартинс» крепко упирались в ковер между двумя стопками книг, шатких, как все книжные пирамиды, загромождавшие кофейные столики и втиснутые на закрывавшие стену стеллажи. Холли села глубже в кресло, обитое вытертым бархатом, и погладила мягкую обивку. Взгляд ее метнулся с книг на огромные открытые окна, выходившие во двор – пылинки плавали в солнечном свете, – и снова на преподавателя, загадочно улыбавшегося, пока Софи то так, то эдак скрещивала изящные ноги.

– А вы что скажете? Вы согласны с интерпретацией мотивов сэра Гавейна, предложенной Софи? – Доктор Блэкберн оторвал взгляд от Софи и посмотрел на ее партнершу по семинару.

– Гм, ну... – И тут вдруг у Холли развязался язык. Она заговорила о конфликте в душе сэра Гавейна, разрывавшегося между рыцарскими принципами и чувственной страстью.

Холли говорила все увереннее и чувствовала, что не только доктор Блэкберн смотрит на нее с интересом («Это необычная интерпретация, но мне она нравится»). Софи, забыв о своем бета-минусовом сочинении, выпрямилась в кресле и подхватила разговор, заставляя себя мыслить шире прописных истин, которые она, видимо, скопировала дословно. В любом случае внимание было благожелательным, а не враждебным, и, выйдя от тьютора – так Холли незаметно для себя начала называть доктора Блэкберна, – девушки как-то совершенно естественно зашли в студенческое кафе выпить чашку чая. К тому же Софи сказала, что у нее к Холли есть дело.

Софи предложила разделить англосаксонские тексты, предназначенные для перевода, и по очереди подбирать информацию для рефератов по необъятной средневековой английской литературе. С собой у нее оказалась толстая папка-скоросшиватель с прочным зажимом, полная готовых работ какого-то услужливого второкурсника, с которым неделю назад Софи мило общалась за коктейлем.

– А ты точно ограничилась только коктейлем? – Холли не хотелось совать нос в чужие амурные дела, и даже такое зондирование ситуации показалось ей нескромным.

– Холли! Ты на что намекаешь? – лукаво улыбнулась Софи. – Ему уже не нужны эти рефераты. Он сказал, что знает, какая скука эти средневековые сочинения. Господи, нам еще столько читать из викторианской эпохи! Мы же не осилим это без грамотной организации! Смотри, вот про автора «Жемчужины» – надо стащить для следующей недели. А ты потом сможешь прочесть Мэлори?

– По-моему, «Смерть Артура» – очень важное произведение, нам обеим следует с ним ознакомиться.

– Ну уж нет, жизнь слишком коротка, поверь мне. Я хочу попробовать себя в женском боксе – в легком весе, но мне ни на что не хватит времени, если вчитываться в каждого викторианца. Если ты прочтешь Мэлори и расскажешь, о чем там, я сделаю остальное с помощью этих записей.

– Ну хорошо.

– А я обещаю перевести половину «Беовульфа»... О, ты посмотри! – Софи лукаво ухмыльнулась: – Джон отдал мне свой перевод!

– Послушай, но ведь это же подлог?

Софи покосилась на нее, слегка улыбаясь.

– Вовсе нет. Это называется эффективная организация труда, так все поступают.

– Мне кажется... – Холли запнулась, представив, как неуклюже прозвучат ее слова. – По-моему, выполнять переводы и знакомиться с английской литературой от самых истоков важно для понимания ее развития. Ведь смысл нашего диплома в том, чтобы все это знать...

– Ну если хочешь тратить время на перевод «Беовульфа», так и делай. – Софи отхлебнула чая, сдерживая скорее смех, чем раздражение. – А по мне, эти старания не повлияют на мои оценки и на пребывание в университете в целом... Ну разве что отнимут время, которое можно потратить на что-то другое.

– Например? – поинтересовалась Холли.

– Ну как же, на спорт, на парней, – победно засмеялась Софи. – Для чего же существуют университеты! Веселиться, знакомиться, заниматься спортом. В определенном смысле это как продолжение старших классов.

Холли пожала плечами. У нее в школе ничего подобного не было.

– Отец всегда говорит: сперва оценивай надежность инвестиции, а уж потом решай, сколько инвестировать.

- Ого. А кто твой отец?
- Специалист по инвестициям. А твой?
- У Холли упало сердце. Сейчас нескромность выйдет ей боком.
- Преподаватель.
- Какой предмет?
- Автомобили. Он... э... инструктор по вождению.
- Надо было сразу признаться, а не вилить.
- Как мило! И полезно.
- Наверное. Я-то не вожу.
- Он что, тебя не научил? Или все время руль выхватывал?
- Да нет, просто мы редко видимся. У меня родители в разводе.

Обычно замкнутой, Холли странно было облегчать душу, вывалив сразу столько информации, но в университете это было в порядке вещей. Дружеские союзы заключались и крепились с лихорадочной скоростью, будто короткие, восемь-девять недель, семестры подразумевали отказ от привычного постепенного развития отношений в пользу ускоренного темпа.

– Господи, хоть бы мои уже наконец... – Софи прикрыла рот рукой, будто это вырвалось у нее нечаянно. – Ой! Забудь, это я так.

– Правда? – заинтересовалась Холли. Неужели жизнь Софи не так идеальна, как кажется?

– О, ну понимаешь, все эти связи на стороне... Мужчины, что с них взять... – Софи сгребла книги в сумку, взяла со стола папку и прижала ее к груди.

Возможность поделиться секретами была упущена – дверь захлопнулась. Улыбка Софи стала застывшей, в ней не осталось и следа веселья. Холли, собирая свои тетради, догадалась перехватить инициативу.

– Ох уж эти мужчины! – подхватила она, будто отлично знала мужской пол, а не была девственницей восемнадцати лет. Взяв волосы, натянула подол мешковатого свитера на джинсы – давно усвоенный способ не выделяться из общей массы или хотя бы сделать себя сексуально невидимой – и вслед за Софи вышла из кафе на мягкое осеннее солнце.

Первый семестр в Оксфорде стал настоящим откровением – благодаря знакомству не только с произведениями неизвестного автора «Жемчужины», Мэлори, стихами Кристины Россетти и Элизабет Барретт Браунинг, но и с жизнью, вдруг раскрывшейся совсем с другой стороны. Все восемнадцать лет Холли знала лишь один неизменный вариант еды, которой питалась, манеры разговаривать, менталитета окружающих, и вдруг все это словно разобрали и перемонтировали, и жизнь стала ярче и интереснее, более насыщенной и как никогда сложной.

Позже Холли будет вспоминать тот осенний семестр как бесконечное пиршество чувств, ежедневные бомбардировки новыми зрелищами, запахами и звуками, которые порой отнимали все силы, становясь почти испытаниями, и разительно отличались от всего, что она знала.

Новизна была во всем: можно было гулять по кампусу Крайст-Черч-Медоуз и в густом ноябрьском тумане увидеть огромную корову, глядевшую задумчиво и печально (студенты Медоуз имели право держать лонгхорнов и пользовались своим правом с пятнадцатого века). Пробегая по мощенной булыжником Мертон-стрит, Холли забывала, за чем шла, при виде привратника в шляпе-котелке или двоих студентов, отчего-то во фраках, на заплетаящихся ногах бредущих к колледжу, обнявшись, как самые страстные любовники, но с пустыми бутылками в руках. Можно было нырнуть в лабиринт крытого рынка и разом остановиться от невыносимо густого запаха сырого мяса или при виде оленя, подвешенного за ноги, совсем целого оленя, только с отверстием от меткого выстрела в голове, а спустя пару часов увидеть таких же оленей в парке в центре Оксфорда, пугливо уносившихся прочь, косясь на людей большими влажными глазами.

Еда в тот осенний семестр тоже была особенной: картошка в мундире в полистироловых контейнерах, из которых сочилось масло, или печеные бобы и купленный с лотка на Хай-стрит кебаб, если Холли не успевала в столовую, – все это она быстро привыкла называть обедом. Огромные порции лазаньи с чесночным хлебом, которые они с Эли уписывали наравне со здоровенными гребцами и регбистами, когда осень вступила в свои права и ночи стали холодными. Дымящиеся кружки чая и сэндвичи в студенческом кафе или чайной на Квинс-лейн с высокими табуретами и запотевшими окнами. Оленина и портвейн, которые Холли впервые в жизни попробовала на праздничном обеде, оказались настолько вкусными, что она попыталась украсть вино прямо в хрустальном декантере, но была остановлена служащим колледжа, который очень мягко отобрал у нее графин.

Пришлось осваивать и новый язык: занятия с тьютором – *тьюты*, отчеты о суммах, израсходованных на содержание студента за семестр, – *бэтлы*, экзамены первого курса – *модсы*, черные с белым одеяния для торжественных случаев – *робы*, экзамены в начале каждого семестра – *коллекшин*, первокурсники, получившие высший балл по всем экзаменам, – *ботаны*, а те, кому это удавалось и в последующие годы, – *мегаботаны*. Требовалось разобраться в новой академической терминологии: теория марксизма, теория феминизма, а также составить целый список критиков, которых она будет читать, и лекторов, которых будет слушать.

В «Блэкуэлле» Холли накупила открыток с видами «дремлющих шпилей» и расставила их на каминной полке, а в спальне повесила репродукцию климтовского «Поцелуя», пленившись обилием золотой листвы и тихим упоением, разлитым на лице женщины, знающей, что она любима. Холли решила потратиться на шарф с цветами колледжа: толстый, шерстяной, темно-синий с розовым, он оказался довольно тяжелым, и она претенциозно, как ей казалось, перебрасывала конец шарфа через плечо, вместо того чтобы обматывать его вокруг шеи и дышать его теплом. Однако Холли не стала вступать в оксфордский дискуссионный клуб, где когда-то упражнялись в прениях премьер-министры и политические лидеры, в эту питательную среду для будущих политиков в горчичных вельветовых брюках и твидовых пиджаках, где молодые люди по-обезьяньи копировали повадки состоявшихся мужчин.

Понемногу Холли начала избавляться от растянутых свитеров, перейдя на анораки с капюшоном, и отважилась носить легинсы со своими испытанными ботинками «Доктор Мартинс», хотя и оставалась полноватой в бедрах по сравнению с другими девушками. Она снимала очки в темной оправе, полученные по государственному бесплатному ваучеру, когда выходила из библиотеки, и экспериментировала с карандашом, густо затушевывая уголки глаз.

Холли вошла в редколлегию газеты колледжа и начала писать о событиях студенческой жизни, посещала собрания местной лейбористской ячейки и работала волонтером на ночном телефоне доверия. Участница движения «Вернем себе улицы», она крепко сжимала в кармане брелок с сигнальной кнопкой, будто все насильники в Оксфорде только за ней и охотились, но через пару недель немного освоилась и перестала брать его с собой. Здешняя мирная атмосфера – в общежитии, на главной улице, в пабах, на кафедре – расслабляла, настраивала удивительно благодушно и казалась почти искусственной по сравнению с тем, к чему Холли привыкла дома. Кроме того, хотя на курсе было всего восемнадцать девушек, Холли доставалось мало мужского внимания. Нед при встрече с ней иронически усмехался, двое парней, занимавшиеся английской литературой, держались очень дружелюбно, но не проявляли к Холли ни малейшего сексуального интереса. Да и зачем им это, если рядом ходят такие, как Элисон, с вечера до утра не вылезающая из клубов, или Софи – совершенный образец красавицы-спортсменки?

Холли это не волновало (по крайней мере, так она себе говорила), и ее нежные чувства изливались на подруг. С Элисон, такой непохожей на нее, Холли окончательно сдружил случай, когда она нашла подругу без сознания на полу туалета после особо бурной попойки.

Это она собрала и придерживала длинные светлые волосы Элисон, когда подругу тошнило над унитазом, вытерла ей рот бумажным полотенцем и принесла стакан воды. Это она умыла Элисон нежно, как мать дитя, и отвела (почти приволокла) подругу в ее комнату. Это она сидела с Элисон ночью, боясь, что та задохнется, если за ней не приглядеть.

В туалете Элисон валялась со спущенными до колен джинсами, совершенно беззащитная.

– А вдруг бы меня нашел какой-нибудь парень? – поинтересовалась она потом.

– Ему стало бы неловко.

– Ну неловко, а дальше-то что?

– Да ничего! Употребить тебя каким-то образом было решительно невозможно – тебя зверски тошнило.

– Не знаю, не знаю, – протянула Элисон, кусая палец.

Холли обратила внимание, что прежде аккуратные подстриженные ногти подруги обкусаны до мяса.

– Это, знаешь ли, не всех отпугнет! – цинично хохотнула Эли.

Этот случай сблизил девушек: бойкая Эли осталась признательна подруге, и отношения немного выровнялись. А с Софи Холли сблизил переводы англосаксонских текстов. По средам они сидели в библиотеке, усердно переписывая вторую часть перевода, но вскоре Софи нашла ксерокс и положила этому конец.

Сидя напротив, Холли поглядывала на Софи, гадая, станут ли ее волосы такими же густыми, если она перестанет по-мужски коротко стричься, и можно ли сделать ее широкие брови такими же изящными и элегантными. Да, и как быть с одеждой? Помимо спортивных вещей, Софи носила мини-юбки или джинсы «Левайс», и Холли думала, смогут ли фирменные джинсы, пусть они ей и не по карману, сделать ее ноги длиннее или придать ей этот неуловимый статус крутой девчонки?

Она следила, как за чернильной ручкой Софи на строке разлинованного листа формата А4 остается тонкая фиолетовая спираль петлистых, витиеватых букв, и сравнивала красивый почерк подруги со своим нагромождением букв, написанных одноразовой шариковой ручкой, признавая ее превосходство. Работы Холли отличались аккуратностью: стикеры, флуоресцентные маркеры, скоросшиватель на кольцах, где части отделяются друг от друга цветными вкладышами и можно вставить пластиковые файлы (Холли обожала канцтовары), но писала она как курица лапой. В голове Холли вечно теснились идеи, и каждая стремилась первой попасть на бумагу, – в результате получались неразборчивые каракули, как у старой ведьмы или никудышного клерка.

Время, когда девушки сравнивали переводы и экзаменовали друг друга, вспоминая, что Зеленый Рыцарь делал в тот или иной момент, и проверяя, смогут ли они убедительно об этом рассуждать, было для Холли лучшим за всю неделю: раньше ее одаренность была чем-то вроде позорного клейма. Она гордилась своими способностями, но понимала, что лучше их не афишировать даже здесь: в Оксфорде модно было открывать учебники накануне семинаров, сводя неделю подготовки к одному вечеру.

Софи искренне восхищалась трудолюбием Холли и сваливала на нее львиную долю заданий. Накануне она оставила Холли записку в ячейке для писем, в которой призналась, что утренние тренировки по гребле отнимают у нее все силы и она, Софи, «не нашла» времени для выполнения своей части перевода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.